

№ 1

Май

1930

ПЕРИОДИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ОБЩЕСТВА КАРПАТОРУССКИХЪ
СТУДЕНТОВЪ „ВОЗРОЖДЕНИЕ“ ВЪ ПРАГѢ.

Цѣна отд. номера — 3 кроны чешск.

На годъ — 30 кр. ч., для Америки — 1,5 долл.

**Адресъ Редакціи: Praha III., Akademický Dům,
S. K. S. „Vozroždenije“.**

МОЛОДАЯ РУСЬ

ЖУРНАЛЪ ОБЩЕСТВА КАРПАТОРУССКИХЪ СТУДЕНТОВЪ
„ВОЗРОЖДЕНИЕ“ ВЪ ПРАГѢ.

Издатель О. К. С. „Возрожденіе“. Редакторъ и отвѣтственный редакторъ В. И. Лендъель.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Приступая къ изданію періодического журнала „Молодая Русь“, О. К. С. „Возрожденіе“ намѣreno осуществить давнишніе планы своей культурно-просвѣтительной дѣятельности. Мысль объ изданіи журнала родилась въ Обществѣ много лѣтъ назадъ, но воплотиться она не могла по цѣлому ряду причинъ какъ техническаго, такъ и материальнаго характера. Такимъ образомъ, дѣятельность Об-ва ограничивалась только выступленіями хора и балалаечнаго оркестра, помимо чисто внутренней работы. Дабы хотя частично выполнить принятую на себя культурную миссію, Общество устроило 3 большихъ культурно-просвѣтительныхъ поѣздки по Подкарпатской и Пряшевской Руси, которая имѣли заслуженный успѣхъ и были приняты многочисленными организаціями и отдѣльными лицами на мѣстахъ съ большимъ подъемомъ.

Также и частыя выступленія нашего хора и балалаечнаго оркестра въ Прагѣ за-давались цѣлью познакомить широкіе круги чешской общественности съ красотой нашей пѣсни и музыки, что служитъ постояннымъ напоминаніемъ и о насъ самихъ — студентахъ — и о нашемъ народѣ, дѣтьми коего мы являемся. Въ особенности большой популярностью теперь пользуется нашъ оркестръ балалаекъ, который часто получаетъ приглашенія выступать на различныхъ празднествахъ и вечерахъ пражскихъ организаций.

Въ десятый же годъ существованія нашего Общества мы приступаемъ и къ изданію періодического журнала, полагая, что печатнымъ органомъ мы усилимъ процессъ нашей совмѣстной помощи карпато-русскому народу и одновременно дадимъ возможность юнымъ писателямъ и поэтамъ своего края пробовать свои силы и на этомъ участкѣ культурной нивы.

Представляя совершенно реально всѣ трудности на пути изданія журнала, который можетъ впослѣдствіи стать отраже-

ніемъ жизни нашего края и голоса всего народа, мы все же смѣло беремся за работу, твердо уповая, что среди карпато-россовъ врядъ ли найдется много лицъ, кои не помогутъ морально или материально начинанію и безкорыстной работѣ своихъ дѣтей-студентовъ. Наблюдая за распространеніемъ печатного слова на Карпатской Руси, приходится часто удивляться, какъ сильна еще бываетъ старая привычка къ мадьярской газетѣ, къ мадьярской книгѣ, и какъ легко иногда своя русская печать оставляется въ сторонѣ, въ то время, какъ она нуждается въ читателяхъ и часто не имѣеть иного притока средствъ, кромѣ подписки. Не вдаваясь глубоко въ причины, мы хотѣли бы указать, что и сама русская печать разслоена, конечно, вредоносными вліяніями; помимо чисто политической прессы, поддерживаемой со стороны, мы видимъ и представительницъ такихъ газетъ и журналовъ изъ опредѣленнаго лагеря, которыя явно не жизненны и должны съ теченіемъ времени сами собою отмереть, не находя въ почвѣ нашей нужныхъ живительныхъ соковъ.

И если мы скромно приступаемъ къ началу изданія, то только въ надеждѣ, что первые шаги наши, быть можетъ не достаточно увѣренные и твердые, найдутъ доброжелательную критику и помошь со стороны людей опыта и авторитета. Поддержаные вѣрой въ свои силы, опирающіяся на широкій кругъ русской интеллигенціи на Подкарпаты, въ благотворную помошь доброжелателей Общества, въ неизсякаемый источникъ живой жизни пробуждающагося отъ многовѣкового сна карпаторосса, мы открываемъ эти страницы для всѣхъ, желающихъ работать въ духѣ идей нашего Общества, и съ своей стороны обѣщаемъ неотступно слѣдовать завѣтамъ нашего общества и основной цѣли его — работать ради поднятія культурнаго уровня нашего края.

„Возрожденіе“.

Десять лѣтъ тому назадъ было основано О. К. С. „Возрожденіе“ въ Прагѣ.

Основано было подъ девизомъ „въ единеніи сила“, чтобы этой объединенной силой могло помочь Карпатской Руси. Не забывалось при томъ, конечно, и соціальное положеніе нашего студенчества, которое отправлялось учиться въ далекую и, можно сказать, неизвѣстную Прагу.

Студенчество карпаторусское, организуясь, горѣло идеалами патріотизма, скончаго возвращенія на родину — Русь Карпатскую, и организаціей забитаго и сдѣлавшагося достояніемъ мадьярскихъ янычаръ, евреевъ, и въ послѣднее время добычей перелетныхъ нѣмецкихъ птицъ, руля карпаторусского управления.

Не политика была путеводителемъ нашихъ піонеровъ — возрожденцевъ, но, наоборотъ, культурная борьба за лучшее будущее.

Дѣло начато въ скромныхъ размѣрахъ, но полные вѣрой и творческой енергіей основатели узрѣли уже въ первые освобожденные годы, что подъ напоромъ житейскихъ волнъ можетъ устоять только крѣпкая стѣна, съ постройкой которой нечего медлить. Этой стѣной и должно было быть общество карпаторусскихъ студентовъ въ чешскомъ морѣ, имѣющее единственную цѣль: организованной силой помочь бѣдному студенчеству и впослѣдствіи дать Карпатской Руси здоровую и крѣпкую духомъ генерацію. Работа подвигалась впередъ, конечно, только муравьиными шагами. Нельзя же было возрожденцамъ изъ ничего сотворить зданіе, могущее сравниться своимъ величиемъ съ плодами тысячелѣтней работы сосѣдей, которые хотя и не были самостоятельными, — были сильнѣе насъ — физически, имѣя славное историческое прошлое, въ духѣ котораго воспитывался весь народъ, въ то время, какъ въ тайны нашей культуры посвящались только избранныя единицы и традиціи передавались только сословнымъ наследникамъ.

Эти два обстоятельства именно и побуждали нашихъ предшественниковъ не падать духомъ, а стремиться съ удвоенной силой къ достижению той цѣли, которую оставили намъ славные предки: приняться

за постройку зданія, служащаго очагомъ карпаторусской молодой генераціи и будущихъ карпаторусскихъ дѣятелей.

Пролетѣло девять лѣтъ. Наступило и лѣто десятое. Лѣто юбилейное Общества „Возрожденіе“. Это десятое юбилейное лѣто и заставляетъ насъ, молодыхъ возрожденцевъ, вспомнить объ основателяхъ и строителяхъ карпаторусской культуры.

Это юбилейное лѣто приказываетъ намъ оглянуться назадъ и провѣрить ту работу, которая совершена была нашимъ обществомъ и, если были какие то недостатки и промахи, исправить ихъ дополнительно, а въ исправленномъ уже видѣ поднести народу отчетъ о десятилѣтней работе и въ то же время подѣлиться чувствами радости и печали съ тѣми, которые съ открытыми объятіями ждутъ свою молодежь, чтобы взаимно обмѣняться своими тайнами и довѣриться тѣмъ, въ комъ пламень вѣры въ лучшее будущее Карпатской Руси горить ярко, чтобы подѣлиться съ тѣми, кто долженъ будетъ сохранять драгоценный кладъ предковъ, т. е. обрабатывать трудную карпаторусскую почву, почву плодородную, но поросшую бурьяномъ, сѣмя котораго занесено вѣтромъ изъ чужеземныхъ странъ.

Если не удалось очистить карпаторусскую ниву отъ бурьяновъ имъ, старымъ, то очистять ее силы молодыя, получившія свою енергію и знанія уже на родной славянской почвѣ.

Да! Общество „Возрожденіе“ выступаетъ на порогѣ своего десятилѣтія съ новой силой и новой енергіей, съ новымъ опытомъ борьбы. Въ то же время О-во вѣрить, что десятый годъ самостоятельности карпаторусского народа будетъ годомъ ослабленія злобы не только между дѣтьми одной матери — студентами, но и въ средѣ карпаторусского народа, вѣрнѣе, карпаторусской немногочисленной интелигенціи. Вѣрится, что не всегда будетъ властовать въ Карпатской Руси злоба, продажничество и тьма, что наступить и у насъ поворотъ для пользы того народа, который страдалъ и который все еще страдаетъ не за свои грѣхи.

Десятый годъ приказываетъ намъ указать дорогу тѣмъ, кто до сихъ поръ блу-

диль и шлялся безцѣльно, жилъ чужими идеями и кормился плодами чужой и вражеской намъ культуры.

Десятый годъ сулить намъ новый порывъ не только надежды, но и рвениѧ занять мѣста старыхъ и изнеможенныхъ зодчихъ Карпатской Руси и ея культуры. Онъ посыаетъ насъ на карпатскую ниву къ народу, изъ которого всѣ мы вышли, и теперь общество „Возрожденіе“ свой юбилей отпразднуетъ началомъ изданія періодического журнала, въ которомъ нашъ край нуждается, какъ въ насущномъ хлѣбѣ, нуждается Верховина и ея русскіе жители, который выполнялъ бы всѣ недостатки, ощущающіеся на пути къ нашему благосостоянію, который служилъ бы путеводителемъ нашего искалѣченного чуждыми теченіями народа и былъ бы скрѣпляющимъ звеномъ между генераціей старой, до сего дня еще не совсѣмъ покаявшейся и блудящей кривыми, темными путями, и полной жизненной энергіи генераціей молодой, получившей убогое наслѣдство.

Журналъ долженъ будеть восполнять тотъ пробѣлъ, который имѣется на Руси Карпатской вслѣдствіе отсутствія университета, русскій обликъ коего подкрѣплялъ бы ее въ минуты лихолѣття. Передъ нами слѣдующія задачи.

Культурно соединить и укрѣпить карпаторусскій народъ и спасти Карпатскую Русь отъ недобросовѣстныхъ и продажныхъ базарныхъ героевъ, выковать въ ней постоянную твердость характера, направляющую жизнь другихъ культурныхъ народовъ.

Собрать вокругъ себя молодую и талантливую карпаторусскую творческую силу, научивъ ее любви къ родному слову и трудолюбію.

По мотивамъ общественного характера „Возрожденіе“ должно стремиться дать читателю книгу здоровой мысли, способствуя этимъ выявлению того истиннаго пути, на который станетъ рано или поздно наша Родина.

Почему же общество „Возрожденіе“ должно стремиться къ объединенію и укрѣплению Карпаторусского народа? Десять лѣтъ тому назадъ міровая война, измѣнившая до основанія карту европейскихъ государствъ, нарисовала и нашу маленькую Карпатскую Русь и дала волю рѣшенія своей судьбы въ руки самихъ карпатороссовъ, которые не были, какъ оказалось,

приготовленными къ принятію трудной задачи и уступили свое мѣсто другимъ. Правда, уступили только наши, русскіе душой, а тѣ, другие, пропитанные старымъ воспитаніемъ, остались и теперь вѣрными своимъ старымъ девизамъ и новымъ хозяевамъ, надѣясь найти при новой обстановкѣ старая привилегіи.

Должно отмѣтить, что хотя 1918 годъ и принесъ намъ освобожденіе, наша образованная среда все еще не пробуждалась и не торопилась освободиться отъ будапештскаго вліянія, сила котораго чувствуется во всей нашей Руси еще и нынѣ. Не хочется упрекать въ отсутствіи национализма у нашей интеллигенціи виновниковъ этого — старыхъ нашихъ господъ — мадьяръ. Они вѣдь исполняли только свою повинность — вполнѣ естественно, что мадьярское государство воспитывало нашихъ людей въ духѣ мадьярской государственности, а если и было со стороны мадьяръ насилие, то вѣдь всѣ насилия производились Венгріей, политическая физіономія коей измѣнилась. Однако, интересно было бы узнать, какой силой удерживаются въ нашей интеллигентной средѣ мадьярскія тенденціи на десятомъ году нашей самостоятельной жизни? Какія обстоятельства вынуждаютъ нашего карпаторосса еще и сегодня подписываться на мадьярскія и чешскія газеты, внося за нихъ порядочную сумму (300—400 въ годъ) и въ то же время возвращая газеты русскія, хотя и не политическія? Единственное объясненіе — это отсутствіе вѣры въ то, что получившая самостоятельность Русь устоитъ подъ зелеными Карпатами въ поросшій мхомъ деревянно-соломенной хатѣ на собственныхъ ногахъ.

„Возрожденіе“ намѣreno вести по правильной дорогѣ прогрессивный трудъ своихъ членовъ, находящійся еще по сей день въ безпродуктивной летаргії. Передать широкимъ слоямъ народа свою ініціативу и планы будущей работы, а въ то же время и помочь развитію нашихъ общихъ культурныхъ потребностей. Эта задача должна быть нами доведена до самого конца, — въ журналѣ долженъ быть выявленъ трудъ молодыхъ людей, находящихъ свое удовлетвореніе въ неодолимой охотѣ къ работѣ, внимательно несущей съ собою достиженія культуры и цивилизаціи. Общество „Возрожденіе“ въ своемъ журналѣ будетъ объективнымъ до возможнаго предѣла. Оно

и его члены должны быть новыми укрепителями русской культуры, требующей жертвенного служения всего народа и отдельныхъ лицъ, одаренныхъ необходимой волей, и вѣрится, что оно не будетъ оставлено всѣми тѣми, что называютъ себя русскими. Раньше общественность далеко не выполняла своей задачи, причиной чего отчасти была отдаленность Праги отъ нашего края. Силы, даже при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ и стремленихъ, оставались неиспользованными. Зная это, Общество должно быть на стражѣ и приняться за дружную работу, предстоящую намъ. Мы должны разъ и навсегда ликвидировать раздоры и тренія и судить людей не по политической принадлежности, какъ дѣляется это вообще, а по ихъ дѣйствительной объективной работѣ.

Мы можемъ надѣяться достигнуть цѣли только собственными силами. Нужно сцентризовать молодыя карпаторусскія силы и, такимъ образомъ, устранить лежащія передъ нами препятствія, которыхъ можно насчитать длинный рядъ. Они то и являются главной причиной нашихъ опаздываній на нивѣ культурной работы. „Богъ высоко, а царь далеко“, — говоритъ русская пословица. Сцентризованная вокругъ нашего журнала учащаяся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ молодежь, а впослѣдствіи и примкнувшая уже на родной почвѣ домашняя молодежь, вскормленная роднымъ хлѣбомъ, должны будутъ защи-

щать духовныя богатства нашего народа и распространять свѣтъ русской культуры отъ болѣе культурныхъ центровъ къ темнымъ уголкамъ нашего края, учить народъ тому, что только дружной, совмѣстной работой можетъ быть сохранено наше карпаторусское „я“ и наша милая Русь.

Природой одарена наша молодежь богатыми душевными качествами, но они остались пока мало проявленными. Передъ нами широкое поле, но необработанное. Въ чёмъ будетъ заключаться наша дѣятельность? Въ углублениі и разработкѣ нашей родной литературы. Въ общественномъ органѣ мы должны цѣнить и уважать прежде всего самихъ себя. Имѣемъ ли мы какой либо вѣсъ во внѣ? Не напрасны ли упреки нашихъ будителей въ отношеніи нашихъ угнетателей, которые насть мучили и преслѣдовали? А кромѣ того, можемъ ли мы оправдать себя въ качествѣ самостоятельного народа? Сможемъ ли мы удержать общими силами то, что достигнуто было трудомъ и стараніями отдельныхъ единицъ?

Въ нашемъ органѣ должна отразиться языковая и народная идеология карпаторусскихъ дѣятелей. Маякомъ же пусть послужатъ намъ наши великие будители, которые, находясь даже подъ чужимъ владычествомъ, свято берегли карпаторусскія традиціи, прививая ихъ своему народу, что бы тотъ передавалъ ихъ опять дальше грядущимъ вслѣдъ поколѣніямъ.

B. И. Л.

Культурная дѣятельность Угророссовъ въ Россіи на рубежѣ 18-19 вѣковъ.

Переселеніе угрорусскихъ ученыхъ въ Россію совершилось въ эпоху непреклонной къ карпатороссамъ вообще реакціи въ австрійской имперіи, наставшей послѣ смерти либерального Іосифа II.

И, какъ разъ въ то время, когда въ имперіи габсбурговъ все, что имѣло русскій характеръ, подвергалось преслѣдованію, въ Россіи, убиеніемъ императора Павла I (въ ночь съ 22 на 23 марта 1801 г.), положенъ былъ конецъ деспотизму и на царскій престолъ вступилъ подающій много надеждъ и популярный Александръ I-й, воспитанникъ либерального швейцарца Легарна.

Время царствованія Александра I-го было ознаменовано значительнымъ оживленіемъ умственной жизни русского общества. Въ началѣ само правительство способствовало этому оживленію. Самъ императоръ Александръ I-й былъ проникнутъ либеральными идеями и благородными мечтами о счастьи и благосостояніи подвластныхъ ему народовъ, о чёмъ свидѣтельствуетъ разговоръ его съ польскимъ княземъ Адамомъ-Юріемъ Чарторійскимъ въ саду Таврическаго дворца, весной 1796 г.

Въ этомъ либеральному настроенію поддерживали Государя наиболѣе близкія къ нему лица, къ числу ихъ принадлежали:

упомянутый уже князь Чарторійскій, графъ Строгановъ, Новосильцевъ, графъ Коцубей, входившіе въ составъ „негласнаго комитета“. Всѣ они были поклонниками англійскаго государственаго устройства. Задачей „негласнаго комитета“ была выработка проекта широкихъ государственныхъ реформъ. Эти реформы должны были внести въ дѣйствія правительственної власти больше правильности и закономѣрности, ограничить тотъ произволъ, который такъ ярко проявился въ царствованіе Павла I-го. И, дѣйствительно, уже первые дни Александра I-го отмѣчаются цѣлымъ рядомъ указовъ, отмѣнившихъ различные тяжелыя мѣры его предшественника. Къ числу такихъ либеральныхъ мѣропріятій правительства относятся: отмѣна запрещенія ввоза иностранныхъ книгъ, возстановленіе жалованной грамоты дворянству и городамъ, разрѣшеніе свободного вѣзда и выѣзда за границу, уничтоженіе тайной канцеляріи, отмѣна пытки, расширеніе правъ сената и т. д.

Въ 1801-мъ году былъ основанъ Государственный Совѣтъ, какъ высшее законодательное учрежденіе, а годъ спустя было организовано восемь министерствъ, вмѣсто 21-й неподвижной коллегіи, для завѣдыванія отдѣльными отраслями государственаго управлениа.

Этой преобразовательной дѣятельности Александра помѣшала временно война съ Наполеономъ (1805-1807). Но сразу послѣ заключенія Тильзитскаго мира, онъ снова приступилъ къ этой работѣ, учинивъ, начиная, съ 1807 года, первымъ своимъ сотрудникомъ Михаила Михайловича Сперанскаго, который по порученію императора составилъ обширный конституціонный проектъ, по которому всѣ свободныя сословія должны получить извѣстныя политическія права, т. е. могли черезъ своихъ выборныхъ представителей участвовать въ дѣлахъ законодательства. Не менѣе важныя реформы были намѣчены Сперанскимъ и въ области исполнительной и судебнай власти. Однако, изъ всего этого плана были осуществлены лишь отдѣльныя части, какъ, напримѣръ, въ 1810 году по проекту Сперанскаго былъ реформированъ Государственный Совѣтъ. Такимъ образомъ, почти всѣ либеральныя реформы Александра I-го имѣли только формальное, а не существенное значеніе, ибо на самомъ дѣлѣ почти все оставалось по прежнему.

Однако, и эти либеральные попытки Александра I-го показались достаточными, чтобы обратить на Россію вниманіе угро-русскихъ ученыхъ, насытившихся тошнотой австрійской правительственної реакціи. Преслѣдованіе „славяно-руssкаго“ языка въ австрійскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а въ то же самое время и реформа высшаго школьнаго дѣла въ Россіи были главными причинами всеобщаго тяготѣнія угро-русскихъ ученыхъ къ этому единственному въ то время самостоятельному славянскому государству.

Среди мѣръ, предпринятыхъ правительствомъ въ первую половину царствованія Александра I-го, особенное значеніе имѣли тѣ, которые имѣли въ виду поднятіе уровня образованія въ Россіи.

Признавая народное просвѣщеніе однимъ изъ важнѣйшихъ условій процвѣтанія государства, правительство въ первую половину царствованія Александра усиленно стремилось о его распространеніи въ Россіи. И Александръ I-й, будучи любителемъ внѣшняго блеска, особое вниманіе обращалъ на высшія учебныя заведенія, имѣющія по его мнѣнію самое большое декорационное значеніе для Россіи. Преслѣдуя эту цѣль, онъ въ 1803 году основалъ центральное школьнаго вѣдомство и раздѣлилъ все огромное государство на шесть крупныхъ учебныхъ округовъ, въ каждомъ съ однимъ „попечителемъ“, какъ главою такого округа. Каждый учебный округъ долженъ былъ имѣть свой университетъ, благодаря чему въ томъ же году была въ С.-Петербургѣ преобразована учительская семинарія въ „педагогической институтъ“ (учительскую гимназію), преобразованный въ 1816 г. въ „главный педагогический институтъ“, а 8 мая 1819 г. въ „С.-Петербургскій университетъ“. Кромѣ университета въ С.-Петербургѣ, были основаны еще университеты: въ Вильнѣ, Казани и Харьковѣ. Кромѣ университетовъ, было основано нѣсколько другихъ учебныхъ заведеній съ широкимъ общеобразовательнымъ курсомъ, какъ, напр.: Царскосельскій Лицей, гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ и др., а въ большинствѣ губернскихъ городовъ были открыты гимназіи.

Но въ первую половину царствованія Александра I правительство не ограничивалось только учрежденіемъ учебныхъ воспитательныхъ институтовъ. Оно разными

мѣрами старалось содѣйствовать распространенію просвѣщенія въ Россіи. Преслѣдую эту цѣль, изданъ былъ либеральный цензурный указъ въ 1804 г., разрѣшено было ввозъ иностранныхъ книгъ, разрѣшено было открытие частныхъ типографій, закрытыхъ при Павлѣ, и т. д. Въ столицахъ и другихъ большихъ городахъ учреждены были различные ученые и литературные общества, изъ которыхъ укажемъ только на „Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ“, основанное въ 1804 г., такъ какъ въ немъ, какъ увидимъ, проявляя живую дѣятельность одинъ изъ угророссовъ, переселенцевъ въ Россію.

Такимъ образомъ, въ Россіи въ первую четверть 19 ст., было уже нѣсколько университетовъ, но подходящихъ людей для занятія профессорскихъ кафедръ въ нихъ было мало. Это печальное обстоятельство принудило организаторовъ этихъ заведеній, какъ, напр., ministra духовныхъ дѣлъ и народного просвѣщенія гр. Петра Васильевича Завадовскаго (1802-1810) и Николая Николаевича Новосильцева, несшаго въ 1803-1804 г. обязанности попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, обратить вниманіе на угророссовъ, уже въ то время успѣшно дѣйствовавшихъ въ австрійско-угорскихъ высшихъ школахъ и владѣвшихъ „славяно-русскимъ“, а отчасти и русскимъ литературнымъ языкомъ.

Офиціальныхъ вызововъ карпаторусскихъ, преимущественно угрорусскихъ педагоговъ въ Россію, было три. Первый вызовъ послѣдовалъ подъ конецъ 1803 г., второй 1805 г., а третій послѣ разгрома Казанскаго университета (1819 - 1820 гг.) „попечителемъ“ Михаиломъ Леонтьевичемъ Магницкимъ.

Первые два вызова были какъ разъ тогда, когда вѣнское правительство, находясь подъ вліяніемъ перехода уніатовъ Подоліи, Волыни и др. въ 1794 - 1796 гг. — рѣшило отнять свое покровительство надъ Карпатороссами и постепенно отстранять русскія лекціи въ Львовскомъ университѣтѣ, вслѣдствіе чего известный угророссъ Петръ Дмитріевичъ Лодій (проф. Львовскаго университета съ 1787-1801 г., а Краковскаго съ 1801-1803 г.), принужденъ былъ принять въ 1803 г. приглашеніе въ С.-Петербургскій педагогическій институтъ.

Ради лучшаго обзора, всѣхъ образованныхъ угророссовъ, переселившихся въ

Россію, можно раздѣлить на три группы:

А. Къ первой группѣ можно отнести угророссовъ, переселившихся въ Россію безъ вызова. Эта группа замѣчательна не только своей научной дѣятельностью, но также и дѣятельностью, направленной къ ознакомленію русскаго общества съ положеніемъ Карпатской Руси и сближенію Россіи съ ней. Эту группу составляютъ писатель и педагогъ Иванъ Семеновичъ Орлай и славистъ Юрій Ивановичъ Венелинъ (Гуца).

Б. Вторую группу составляютъ тѣ угророссы, которые по указаніямъ И. С. Орлай — были русскимъ правительствомъ офиціально приглашены подъ конецъ 1803 г. для занятія профессорскихъ мѣстъ въ ново-преобразованномъ (изъ учительской семинаріи) С.-Петербургскому педагогическому институту. Къ этой группѣ относятся: знаменитый юристъ Михаилъ Андреевичъ Балудянскій, математикъ-философъ Петръ Дмитріевичъ Лодій и юристъ Василій Григорьевичъ Кукольникъ.

Эта группа угророссовъ явилась представительницей науки, за свободное развитіе которой, какъ увидимъ, смѣло и достойно боролась, но, въ отличіе отъ первой группы, она переселенiemъ въ Россію прекратила всякія связи съ родной землей — Угорской Русью. Въ общественной дѣятельности она была довольно робка и опять, въ провоположность И. С. Орлаю, не совѣтовала министру духовныхъ дѣлъ и народного просвѣщенія князю Голицыну входить въ непосредственные сношенія съ Карпатской Русью, когда этотъ послѣ печальнаго разгрома Казанскаго университета „попечителемъ“ Михаиломъ Леонтьевичемъ Магницкимъ хотѣлъ пригласить ученыхъ карпатороссовъ для занятія не заполненныхъ кафедръ въ томъ же университетѣ. Вѣроятно, Балудянскій, Лодій и Кукольникъ боялись этимъ навлечь преслѣдованіе на своихъ земляковъ со стороны австрійскаго правительства.

В. Переселеніе третьей группы угророссовъ въ Россію въ связи съ нуждой Харьковск. ун-та въ профессорахъ. Университетскій совѣтъ въ 1805 г. послалъ своего члена проф. Филиповича въ Венгрію для найма учителей. Онъ нашелъ для Харькова 9 учителей изъ угорскихъ славянъ. Между этими угорскими славянами находимъ слѣдующихъ угророссовъ: Константина Павловича Павловича, Михаила Ва-

сильевича Билевича и Андрея Ивановича Дудровича.

А.

Культурная и научная дѣятельность Ивана Семеновича Орлай и Юрія Ивановича Венелина (Гуцы) въ Россії.

Раздѣливъ, для большей ясности, всѣхъ угророссовъ, выходцевъ въ Россію, на три группы, приступимъ къ подробному изложению дѣятельности первой группы, состоящей изъ И. С. Орлай и Ю. И. Венелина.

Между дѣятельностью обоихъ этихъ угророссовъ, выходцевъ въ Россію, есть тѣсная связь въ томъ, что оба они, войдя въ сношенія съ современными русскими учеными, какъ Ходаковскимъ, Кепненомъ и др., и ученымъ совѣтомъ общества истории и древностей Россійскихъ въ Москвѣ, а также Россійской Академіей Наукъ, стремились знакомить Россію съ Карпатской Русью (Угорской и Галицкой), ея культурно-литературнымъ развитіемъ въ прошлые времена и паденiemъ ея подъ владычествомъ мадьярскимъ — съ одной стороны, и польскимъ — съ другой.

Это ознакомленіе какъ широкой русской общественности, такъ и узкаго круга русскихъ ученыхъ съ Карпатской Русью, началъ И. С. Орлай, первый изъ переселившихся въ Россію угророссовъ, и кончилъ Ю. И. Венелинъ, послѣдній изъ нихъ.

а) И. С. Орлай (1771-1829) — писатель и педагогъ учился въ Львовскомъ и Будапештскомъ университетахъ. До выхода въ Россію былъ преподавателемъ гимназіи въ Великихъ-Карловцахъ въ Венгрии. Весной 1791 г. онъ отправился по своей волѣ въ Россію въ С.-Петербургъ, гдѣ въ 1793 г. окончилъ медико-хирургическое училище, послѣ чего сталъ военно-больничнымъ врачомъ. Въ 1774-1797 г.г. Орлай, какъ правительственный стипендіатъ, учится въ Вѣнскомъ университете въ медицинскомъ отдѣленіи.

Его карьера въ Россіи начинается окончаніемъ этихъ студій. Орлай одно время дѣйствовалъ къ качеству помощника ученаго секретаря учебной коллегіи въ Петроградѣ и собирая все замѣчательное по части медицины въ Россіи, многое переводилъ съ разныхъ языковъ на латинскій, нѣкоторыя статьи пополнялъ и обрабатывалъ вновь; все это коллегія нашла полезнымъ напе-

чатать, подъ заглавиемъ: „Observationes Medica Chirurgorum Ruthenici Imperii“.

Въ 1800 г. Орлай назначенъ гофъ-хирургомъ, въ 1810 г. гофъ-медикомъ, въ 1808 г. ученымъ секретаремъ медицинской коллегіи, сотрудникомъ баронета Вилье по изданію „Полевой фармакопеи“ „Pharmacopea Castrensis Ruthenica“, которая издана была отъ имени послѣдняго. И. С. Орлай былъ членомъ многихъ научныхъ обществъ въ Россіи, какъ напр., — почетнымъ членомъ Академіи Наукъ и дѣйствительнымъ членомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. До полученія мѣста директора въ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко, что было въ 1821 г., Орлай желаетъ быть профессоромъ въ Московскомъ Университетѣ, но придворный докторъ баронетъ Вилье отговариваетъ его. Съ 1821 по 1826 г. Орлай занимаетъ должность директора Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко, а съ 1826 г. вплоть до смерти (27 февраля 1829 г.) — состоитъ директоромъ Ришельевского Лицея въ Одессѣ, а также мѣстнымъ цензоромъ.

За границу онъѣздилъ въ 1806 г. для получения степени магистра словесныхъ наукъ и доктора философіи въ Кенигсбергскомъ университете, а затѣмъ въ 1810 и 1820 гг. Кромѣ упомянутыхъ уже ученыхъ трудовъ, ему принадлежать еще слѣдующія тоже научные работы: „Doctrinae de viribus expositionem“ (Дерптъ, 1807, дисертація на степень Доктора медицины), „Історія о Карпато-Россахъ“ (эта статья напечатана въ 1804 г. въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“). На статью дѣлаетъ ссылки Николай Михайловичъ Карамзинъ въ своей „Історіи Государства Россійскаго“. Такжे перу Орлай принадлежать вторая статья подъ заглавиемъ „О Югозападной Россіи“, напечатанная въ „Трудахъ и Запискахъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“ 1826, I, стр. 220-228. Орлай писалъ также латинскіе стихи, между прочимъ, элегію на смерть императора Александра I.

И. С. Орлай, занимая въ Россіи высокія служебныя мѣста, имѣть не малое вліяніе на развитіе россійскаго высшаго школьнаго дѣла.

Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, съ учрежденіемъ въ 1802 г. министерствъ, занялъ постъ ministra народного просвѣщенія, на которомъ и остался до 1810 г.

При немъ министерство народнаго просвѣщенія проявило живую дѣятельность: открыто много приходскихъ училищъ, учреждены учебные округа, явились въ селахъ — народныя школы, въ уѣздахъ уѣздныя — училища, въ губернскихъ городахъ — гимназіи, открыты университеты въ Харьковѣ, Казани и Юрьевѣ; по ініціативѣ Завадовскаго была преобразована въ 1803 году учительская семинарія въ С.-Петербургѣ въ педагогической институтѣ для подготовленія подходящихъ учителей. И, такъ какъ въ Россіи въ то время былъ большой недостатокъ въ образованныхъ педагогахъ, знающихъ хотя бы отчасти русскій литературный языкъ, то Николай Николаевичъ Новосильцевъ, несшій въ 1803-1804 г. обязанности попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа и президента Академіи Наукъ, принужденъ былъ обратиться къ карпатороссамъ съ официальнымъ вызовомъ занять кафедры въ педагогическомъ институтѣ. Въ этомъ вызовѣ специальнно угро-руссихъ ученыхъ въ С.-Петербургѣ, играетъ не малую роль Орлай, по указаніямъ котораго были въ 1803 г. приглашены: проф. политическихъ наукъ въ Будапештскомъ университѣтѣ — Михаилъ Андреевичъ Балудянскій, проф. философіи и математики въ Krakовскомъ университѣтѣ Петръ Дм. Лодій и проф. физики, естественной исторіи и сельскаго хозяйства въ Замостской Академіи — Василій Гр. Кукольникъ.

Орлай до конца своей жизни находился въ очень близкихъ сношеніяхъ съ современными ему russkими издателями, этнографами, историками и археологами, какъ И. И. Martыновымъ (издателемъ греческихъ классиковъ въ russкомъ переводѣ и бывшимъ издателемъ газеты „Сѣверный Вѣстникъ“), этнографомъ З. Ходаковскимъ и П. И. Кѣппеномъ. Корреспонденція Орлай съ этими russкими культурными работниками, напечатанная И. С. Свѣнцицкимъ въ своихъ „Материалахъ по Исторіи возрожденія Карпатской Руси“, свидѣтельствуетъ о живомъ интересѣ первого по различнымъ научнымъ вопросамъ, какъ: — филологическимъ, археологическимъ и др. Такъ, напримѣръ, этнографъ Зорянъ Доленла-Ходаковскій, занимаясь также археологіей и вопросомъ происхожденія и переселеніемъ мадьяръ, въ своемъ письмѣ, написанномъ 15.I. 1820 г. въ С.-Петербургѣ, спрашиваетъ Орлай, проведшаго во время своего боль-

шого окружнаго путешествія въ 1819 году нѣкоторое время на Кавказѣ: „А не були вы пане Иваны въ старимъ мисти мадярахъ, коли вы съ гирь Кавказскихъ поихали къ Astrахани“... „О Каспійскимъ мори, щоби его звали чужіе племена въ смыслѣ Lukamora неудолосяжъ вамъ чого напытаты“... Ходаковскій имѣль въ виду „венгерское городище“, находящееся между Astrаханью и Терекомъ, на урошищѣ Можаръ, и считающееся однимъ изъ археологическихъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о переходѣ мадьярами Терека, — Орлай въ своеемъ отвѣтѣ Ходаковскому отъ 26 января 1820 г. изъ Гомеля подробно излагаетъ свои наблюденія, собранные имъ во время путешествія по Кавказу. Эти наблюденія очень любопытны и свидѣтельствуютъ о любознательности Орлай въ области археологіи, этнографіи и языковѣдѣнія. Орлай, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: „На Кавказѣ и на рѣкѣ Кумѣ, гдѣ древній городъ Мадьяръ былъ построенъ, я былъ. Всѣ селенія russкія и russкія на сей рѣкѣ построенные, имѣютъ удивительное положеніе, рѣка сама величественно течеть, а вертоградъ на берегахъ ея служить ей украшеніемъ. Развалины Мадьяръ отстоятъ отъ Георгіевска на сто верстъ, они простираются на десять верстъ, изъ нихъ тамошніе осѣдлые дѣлаютъ свои дома, ибо кирпичъ весьма хороший и крѣпокъ. Я послалъ съ обозомъ Дерябина б кирпичей въ Гомель, но мнѣ только одинъ доставленъ, а другіе Богъ вѣсть куда дѣвались... 2-е мая приѣхали мы въ Георгіевскъ, 3-е мая въ Константино-горскъ, гдѣ теплицы обritaются, тутъ мы прожили полтора мѣсяца, послѣ переселились въ Кисловодскъ въ большую Кабарду, гдѣ прожили мѣсяцъ; а Нятигорю десять дней, гдѣ открылъ съ помощью Султана Крымъ-Буля новый минеральный источникъ, къ которому по увѣдомленіи начальства мною приставлена команда. На рѣкѣ Кумѣ самое лучшее всѣхъ и по днесъ называется мадьярскимъ, есть тоже и соляные озера нарицаемыя мадьярскими. Я вездѣ находилъ нѣкоторое сходство горцевъ съ уграми, гордость, танцы, неуступчивость, правдолюбие суть качества Горцевъ и Угровъ. Языкъ найпаче Осетинцевъ похожъ на Угрорусскій. 2-го августа мы выѣхали изъ Георгіевска и вдоль Малки, Терека, чрезъ Мздокъ, Кизляръ, Astrахань (гдѣ я присутствовалъ при Индейскомъ

Богослужені), Сарепту, Саратовъ, Пензу, Нижній-Новгородъ и Ярославъ (гдѣ, заболѣвъ, полтора мѣсяца пролежалъ), Москву, (гдѣ мѣсяцъ пролежалъ), Аржансъ, Вязьму, Смоленскъ, Красное, Дубровку, Оршу, Шкловъ, Могилевъ, Пропойскъ я одинъ въ Гомель прїѣхалъ въ Ноябрѣ..."

Это большое окружное путешествіе Орлай не могло быть его частное, такъ какъ онъ, судя по тому же письму, имѣлъ большую семью и находился въ то время въ большомъ материальномъ затрудненіи, слѣдовательно, онъ не могъ покрывать большие расходы, связанные съ такимъ величайшимъ путешествіемъ. Изъ письма тоже видно, что Орлай имѣлъ спутниковъ, такъ какъ пишетъ въ множественномъ числѣ.

Но обѣ его спутникахъ ничего изъ письма не знаемъ, изъ чего можно заключить, что во главѣ этого большого путешествія могъ быть только онъ. По всей вѣроятности, Орлай, какъ знатокъ мадьярского языка и дѣйствительный членъ „Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“, имѣлъ научную командировку на Кавказъ, гдѣ наблюдалъ горцевъ, которыхъ считалъ родственниками мадьяръ, о чёмъ свидѣтельствуютъ и двѣ его крупныя историческія статьи, какъ — „Исторія о Карпатороссахъ, или о переселеніи Россіянъ въ Карпатскія горы и о приключеніяхъ съ ними случившихся“ и „О Юго-Западной Руси“, въ которыхъ удѣлено особое вниманіе и этимъ вопросамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*Василій Дм. Поповичъ,
преподаватель гимназіи въ Мукачевѣ.*

Алоисъ Ирасекъ.

Въ траурной рамкѣ выписываемъ мы имя большого чешскаго писателя послѣдняго времени. Умеръ онъ почти неожиданно, хотя всѣ предполагали, что несмотря на продолжительную болѣзнь онъ еще долго пробудетъ между нами. Въ день, когда республика праздновала 80-лѣтіе со дня рождения президента, онъ раздѣлилъ между своими служащими извѣстную сумму, дабы послѣдніе могли выпить за здоровье его большого друга Т. Г. Масарика, а уже 12 марта безпощадная рука смерти вырвала его изъ нашей среды и отнесла его благородную душу туда, откуда нѣтъ возврата. Не отзвучала еще торжественная музыка, не были еще составлены знамена и не разсыпалось еще впечатлѣніе отъ устроенного въ честь президента праздника, когда по всей республикѣ разнеслось печальное извѣстіе о смерти писателя - славянина, народного будителя, барда чехословацкаго освобожденія, пѣвца самостоятельности его — Алоиса Ирасека.

Алоисъ Ирасекъ родился 23 сентября 1851 г. въ Гроновѣ, въ Подкарконошской области Чехіи. Отецъ его былъ ткачомъ и параллельно велъ пекарню. Понятно, что ни тканье полотна, ни продажа хлѣба не могли обеспечить возможности его сыну хорошаго первоначального образованія. Ма-

ленький Алоисъ, будучи ребенкомъ тихаго характера, много читалъ, чѣмъ развивалъ свою дѣтскую фантазію. Вслѣдствіе неурожайности почвы жители этого края поголовно занимались прядильнымъ промысломъ и въ смыслѣ материальной неустроенности напоминали жителей нашей Верховины. Пытливый умъ будущаго писателя часто останавливался на тяжелыхъ обстоятельствахъ и борьбѣ ткачей съ нуждою, и впослѣдствіи Ирасекъ въ такихъ сочувственно пессимистическихъ тонахъ вспоминалъ положеніе этихъ бѣдняковъ:

„Сколько часовъ пути имѣли они до Гронова? Выходили, когда было темно... Сколько долгихъ часовъ несли они тяжелую ношу полотна на своихъ сгорбленныхъ плечахъ? Выходили раннимъ утромъ, когда лавочникъ еще не открывалъ своей лавки, ждали позеленѣвшіе отъ холода, бѣдно одѣтые, пронизываемые стужей. Ждали долго и, озябши, заходили къ намъ отогрѣться, а нѣкоторые, оставивъ у насъ полотно, отправлялись въ городъ и просили милостыню“...

Можно сказать, что не только по условиямъ жизни они походили на нашихъ верховинцевъ, но и по складу характера они были близки имъ. Люди суевѣрные, они склонны были видѣть во время ночныхъ

передвижений разнаго рода привидѣнія, что давало пищу всякимъ фантастическимъ вымысламъ. Обо всемъ этомъ они и рассказывали Ирасеку, который слушалъ ихъ всегда съ большимъ интересомъ.

Окончивъ школу въ Гроновѣ, Ирасекъ поступилъ въ подготовительную школу въ Броумовѣ, большинство жителей которого были нѣмцы. Въ короткое время онъ изучилъ нѣмецкій языкъ, однако, нѣмцевъ никогда не любилъ и въ этомъ же направлении воспитывалъ свой народъ въ теченіе всей своей жизни. Среднюю школу Ирасекъ окончилъ въ Градцѣ Краловомъ, а затѣмъ поступилъ на филологической факультетъ въ Прагѣ, избравъ своей специальностью исторію. Изучаль онъ исторію не только потому, чтобы преподавать ее дѣтямъ въ школѣ, но главнымъ образомъ, чтобы черпать изъ нее самые выдающіеся исторические моменты жизни чешскаго народа и затѣмъ познакомить чеховъ съ ихъ прошлымъ въ формѣ историческихъ романовъ, ибо простое знаніе сухихъ историческихъ фактovъ не прививалось народу легко. Нужно сказать, что въ тѣ времена чешская интеллигенція считала для себя честью называться нѣмецкой и во всемъ ей подражать. Поэтому Ирасекъ не безъ основанія считалъ простой людъ хранителемъ національной чешской силы, и дабы развивать и поддерживать эту силу націонализма, онъ пишетъ свои красочные романы, гдѣ на фонѣ историческихъ событий изъ чешскаго прошлого часто выдвигаетъ героями простыхъ людей, жертвующихъ жизнью за свободу народа, одновременно бичуя и темныя стороны чешской тогдашней жизни, напримѣръ, рабство. Въ подобномъ духѣ написаны его книги: „Скалаки“ и „На воеводскомъ дворѣ“. Эти два характерныхъ труда издаетъ онъ еще будучи студентомъ. Рядомъ съ ними во всѣхъ его произведеніяхъ тогдашняго времени звучатъ все тѣ же мотивы симпатіи къ утѣсняемому народу и боль за попираемая чешской и нѣмецкой шляхтой его права.

По окончаніи университета онъ поступаетъ преподавателемъ исторіи въ гимназію въ Литомышль, гдѣ не перестаетъ писать. Тамъ изъ подъ его пера выходить цѣлый рядъ повѣстей, озаглавленныхъ „Малогородскія исторіи“. Въ этихъ повѣстяхъ онъ описываетъ жизнь чешской интеллигенціи первой половины XIX столѣтія и

проводить мысль, какой она должна была бы быть. Въ 1880—90 годахъ чешская интеллигенція проводить праздную жизнь, засоряемую пустыми фразами, не приносящими никакихъ плодовъ, и Ирасекъ открываетъ походъ противъ нес, осуждая ея грѣхи и пошлость. Такъ выходятъ повѣсти „Языческій храмъ“, „Деревья“, особенно же онъ заостряетъ свои обличенія противъ интеллигенціи въ произведеніи „На островѣ“.

Послѣ этихъ сравнительно небольшихъ работъ начинается періодъ его самого зрѣлаго творчества, когда мы видимъ уже романы „Ф. Л. Вѣкъ“ въ пяти томахъ. Здѣсь Ирасекъ проявляется во весь исполинскій ростъ славянина, здѣсь вѣетъ уже надежда на Русь, съ мыслями о которой тогдашніе чехи жили и умирали. Выражается это въ такихъ стихахъ:

Tam od východní strany duch Slavie věje,
tam rod se silných vzpíná všípen od naděje.
Tam k Slovaniům je otvor libezného zření,
k jichž nohám Adria a Ocean se pění,
jichž rádlo Labské nivy, onde Donské oře,
jichž lodi sjíždi Černé, Severské i moře —
Co z toho, že nás Teuton tiskne z jedné strany
a z druhé strany bídne žití mezi Oтомany...
· · · · ·
a bude zas slát Moskva, sídlo starožitné
a stojí Petra Velikého hradby nedobytné...

Можно было бы безконечно цитировать Ирасека, чтобы показать, насколько большимъ и выдающимся славяниномъ онъ былъ, насколько онъ былъ имъ на дѣлѣ, а не только на словахъ, и какъ онъ не похожъ на многихъ своихъ современниковъ въ этомъ смыслѣ.

50 лѣтъ Ирасекъ утѣшалъ боль славянъ, бывшихъ подъ чужимъ игомъ, зажигалъ въ ихъ сердцѣ пламя борьбы и будилъ національное сознаніе народа. Не малую роль сыгралъ онъ и его произведенія въ освобожденіи чеховъ, психологически подготовленныхъ его произведеніями!

Среди дальнѣйшихъ его трудовъ заслуживаютъ вниманія романы „Темно“, „Унась“, „Псоглавцы“, „Братство“, „Противъ всѣхъ“, „Между токами“ и „Гуситскій король“. Собрание сочиненій его едва входитъ въ сорокъ томовъ и мы лишены возможности въ короткой статьѣ перечислить хотя бы краткое ихъ содержаніе. Горячій славянинъ и плодовитый работникъ, Ирасекъ былъ не только чехомъ и дорогъ не только имъ. Онъ прекрасно владѣлъ русскимъ языкомъ и для насъ, карпаторос-

† Алоисъ Ирасекъ

совъ, онъ является прекраснымъ примѣромъ подлинной любви и привязанности славянскому дѣлу, чѣмъ не могутъ похвальиться многіе чехи, въ руки которымъ выпало счастье вести свою страну по освобожденію. Многіе нынѣшніе дѣятели нашей государственности, и не только чехи, но и нашъ образованный классъ — уподобились интеллигенціи чешской времени упадка, той самой, которую обличалъ Ирасекъ.

И мы живемъ фразами и не думаемъ о народѣ и его нуждахъ, и мы сами разжигаемъ огонь недовѣрія и вызываемъ по-

литическія бури, которыя сносятъ наши же стрѣхи. Мы сыты и одѣты. Посѣщаемъ школы — и какое намъ дѣло до того народа, который насъ же вскормилъ и является нашей же опорой. Мы остаемся глухими къ нему.

Пусть память выдающагося чешскаго писателя глубоко западетъ намъ въ душу и явится въ нашей работѣ на пользу Карпатской Руси тѣмъ свѣточемъ, который поддерживалъ въ годы лихолѣтья чеховъ.

Вѣчная ему память и блаженный покой.

Іванъ Оринчай.

Къ вопросу о созданіи Карпаторусского Краевого Музея.

Европейская война много послужила дѣлу политического возрожденія славянства. Въ числѣ прочихъ пріобщилась къ свободной политической жизни и Карпатская Русь. Послѣ вѣкового прозябанія подъ венгерской властью, когда даже самое русское имя исчезло изъ обихода, присоединившись къ молодой Чехословацкой республикѣ, она начала новый періодъ своего возрожденія. Рядъ книгъ, вышедшихъ въ послѣдніе годы изъ-подъ пера какъ русскихъ, такъ и чешскихъ ученыхъ открываетъ новую эру въ изученіи прошлаго маленькой вѣтви русскаго народа, казалось, совсѣмъ затерянной въ горахъ. Но мало изученія только письменныхъ источниковъ, часто памятники вещественнаго характера говорять болѣе громко о томъ, о чемъ только смутно можно догадываться на основаніи письменнаго материала. И въ этомъ отношеніи начало такого изученія этого интереснаго края уже положено. Однако, остается еще непоставленнымъ одинъ весьма важный вопросъ — вопросъ объ охранѣ тѣхъ памятниковъ прошлаго, которые въ настоящій моментъ быстро и безповоротно погибаютъ.

Культура, кромѣ завоеванія въ области внѣшняго устройства жизни, всегда, къ сожалѣнію, несетъ съ собой и неумолимую опасность для драгоценныхъ памятниковъ прошлаго. Пишущему эти строки довелось уже два лѣта подрядъ бродить по горамъ и долинамъ карпатскимъ для сбора памятниковъ быта и народнаго искусства. Движеніе культуры при этомъ явно бросалось въ глаза, а наряду съ нимъ столь же ярко была замѣтна и пагубная сторона ея вліянія.

Для исторіи быта незамѣнимымъ источникомъ являются предметы ежедневнаго обихода, которые неукоснительно гибнутъ при ростѣ культуры. Домотканныя матеріи, узоры вышивокъ, домашняя утварь — все это бессильно бороться за существованіе съ фабричнымъ производствомъ. Еще, кажется, не такъ давно стѣны „хижъ“ въ Карпатахъ украшались росписными тарелками мѣстнаго производства — теперь всѣ онѣ замѣнены однотипными тарелками съ словацкихъ или румынскихъ фабрикъ. Деревянная рѣзная утварь, которая такъ типична для Карпатъ, совсѣмъ исчезла. Исче-

заетъ и характерный костюмъ. Мужской костюмъ сохраняется, главнымъ образомъ, въ Гуцульщинѣ, на Мармарошѣ и частью на Верховинѣ. Женскій — держится упорнѣе, но тоже постепенно исчезаетъ и замѣняется нивелирующимъ городскимъ платьемъ. Пригородныя села вблизи Ужгорода, Мукачева уже забыли свои національные костюмы. Въ районѣ Билки, Чинадѣева, Севлюша — женщины оставили свои красочные костюмы, а мужчины уже давно облеклись въ портновскіе городскіе пиджаки и жилеты. Башмаки Бати и тонкіе фабричные чулки уже и на Верховинѣ становятся зауряднымъ явлениемъ. Между тѣмъ, особо важное значеніе національнаго костюма въ Карпатахъ для выясненія вопроса о происхожденіи населенія едва ли не каждого отдельнаго села и времени его заселенія, врядъ ли нуждается въ обоснованіи.

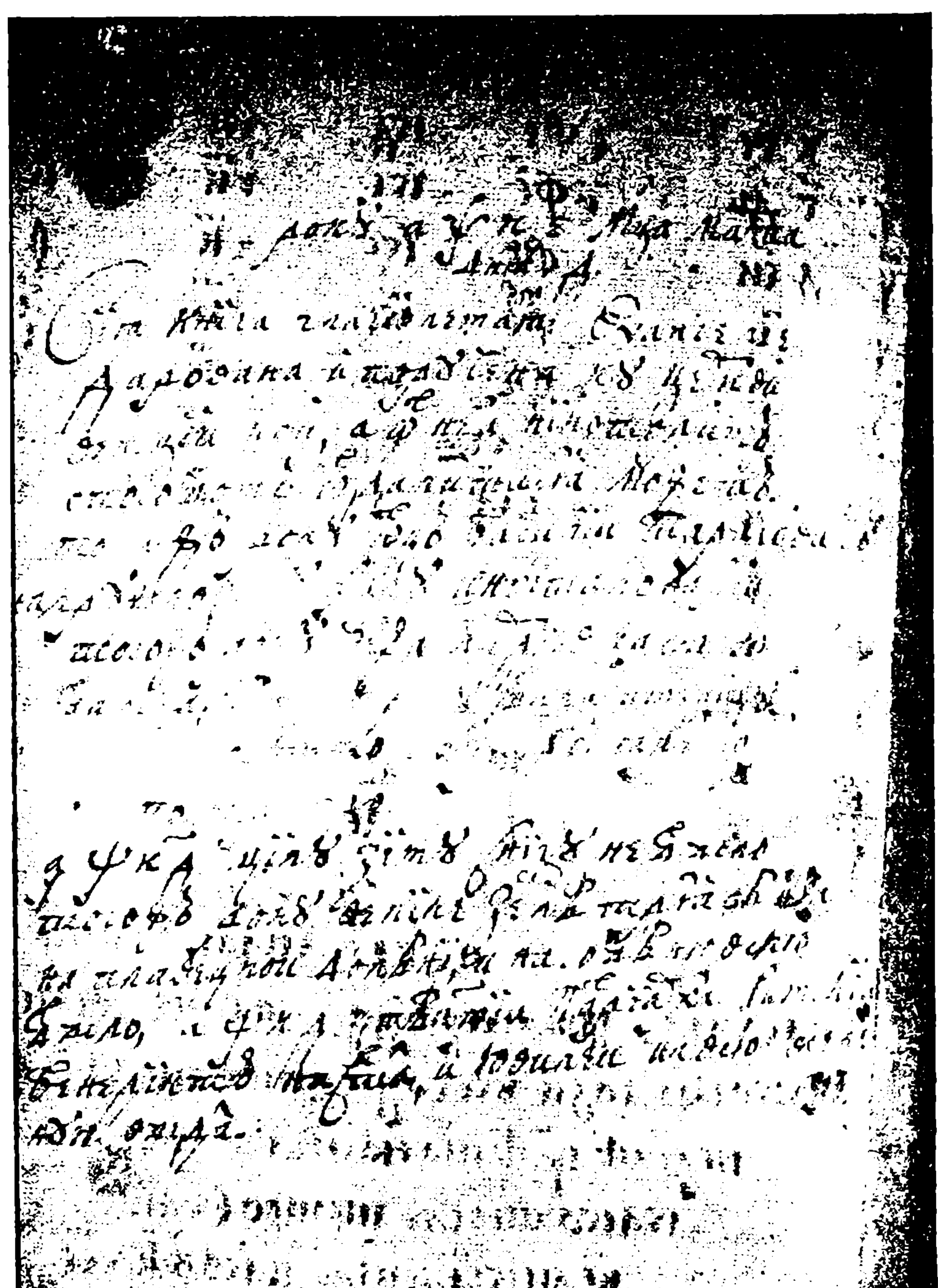
Вмѣстѣ съ исчезновеніемъ національнаго костюма идетъ исчезновеніе и народнаго узора вышивокъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, где еще, кажется, такъ недавно процвѣтало искусство тонкой вышивки, напр., Чинадѣевѣ, городской костюмъ сдѣлалъ не нужной самое вышивку и пишущему эти строки образецъ такой вышивки съ большимъ трудомъ удалось сфотографировать, воспользовавшись въ качествѣ модели сорочкой, приготовленной одной изъ старухъ себѣ „на смерть“. Но и въ тѣхъ мѣстахъ, где вышивка еще сохранила полностью свое значеніе, узоръ народный постепенно вытѣсняется безличными узорами, занесенными изъ города съ массами поступающими фабрикатами. Играетъ въ этомъ извѣстную печальную роль и школа, въ которой учительницы рукодѣлія помимо своей воли вносятъ чуждые краю узоры и навыки работы.

Еще большая угроза нависла надъ памятниками церковными. Церковная жизнь Карпатской Руси таитъ въ себѣ не мало опасностей для тѣхъ прекрасныхъ памятниковъ, которые хранятся въ каждой церкви. Деревянныя старыя церкви, несмотря на всѣ мѣры ихъ охраны, стихійно горятъ. Почти на глазахъ пишущаго эти строки сгорѣла прекрасная деревянная церковь въ Новоселицѣ на Мармарошѣ. Притокъ изъ Америки средствъ даетъ возможность населенію воздвигать новые каменные церкви,

въ которыя переносятся далеко не всѣ иконы изъ старыхъ деревянныхъ церквей. Многія очень интересныя иконы попадаютъ въ частныя руки и никто не можетъ предсказать ихъ дальнѣйшей судьбы. Между тѣмъ, нѣкоторыя изъ этихъ иконъ датированы и подписаны мастерами. На многихъ имѣются весьма интересныя дарственныя надписи, ярко рисующія бытовыя черты жизни прошлыхъ вѣковъ. Одна изъ такихъ иконъ, архангела Михаила, имѣется въ Шелестовской церкви, перевезенной нынѣ въ Мукачево. Другая, Спасителя, съ весьма интересной бытовой надписью, находится въ частныхъ рукахъ. При перестройкѣ церквей послѣдня обыкновенно украшаются новыми иконостасами, писанными плохими мастерами ремесленниками въ совершенно новомъ и чуждомъ для края стилѣ. Новыя православныя церкви обыкновенно расписываются въ такъ называемомъ московскомъ или кіевскомъ стилѣ, или чаще всего просто въ „русскомъ“ стилѣ, что еще болѣе рѣжетъ глазъ. При пожарахъ церквей исчезаютъ и прекрасныя старыя церковныя книги, часто восходящія по изданію къ первой половинѣ XVIII вѣка. Но цѣнность пред-

ставляютъ эти книги не столько по времени своего изданія, сколько по тѣмъ дарственнымъ надписямъ, которыя сдѣланы на нихъ. Нѣкоторыя же изъ нихъ хранять въ себѣ даже замѣтки лѣтописнаго характера.

Такихъ примѣровъ можно привести множество. И изъ нихъ необходимо сдѣлать надлежащіе выводы. Надо приложить всѣ усилия для сохраненія этихъ драгоцѣнныхъ остатковъ прошлой жизни края. Единственный путь для этого — собираніе ихъ и сохраненіе ихъ въ особо приспособленномъ для этого помѣщеніи. Другими словами, насталъ моментъ серьезно подумать о созданіи спеціального музея для края. Это вопросъ величайшей важности и далеко не столь трудно осуществимый, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Существованіе такого музея въ Бардіовѣ показываетъ возможность созданія его и въ Ужгородѣ или Мукачевѣ. При этомъ починъ въ этомъ дѣлѣ общество должно взять въ свои руки. Учрежденіе спеціального общества должно явиться первымъ шагомъ на этомъ пути. Для начала не потребуется и большихъ средствъ: членскіе взносы могутъ достаточно обеспечить начало дѣла.

Надо надѣяться, что тѣ любители памятниковъ старины родного края, которые безкорыстно и преданно ведутъ дѣло собирания и охраненія этихъ памятниковъ и которые успѣли уже составить довольно цѣнныя коллекціи, пойдутъ широко навстрѣчу этому начинанію и помогутъ молодому дѣлу прочно стать на ноги.

Съ особымъ удовольствіемъ пишущій эти строки возбуждаетъ этотъ вопросъ на страницахъ молодого журнала карпаторусского студенчества, ибо молодежь страны должна явиться оплотомъ ея роста и развитія. Надо твердо вѣрить, что и дѣло музея, поскольку оно найдетъ откликъ въ сердцахъ молодежи, находится на правильномъ пути и въ вѣрныхъ рукахъ.

Всев. Саханевъ.

Наша Родина.

Тамъ, гдѣ расположены высокія горы Бескидъ и Карпатъ, покрытыя драгоценными безконечными дѣственными лѣсами, гдѣ текутъ съ необыкновеннымъ журчаниемъ ручейки и рѣки — тамъ находится наша родина — Карпатская Русь.

Да, тамъ на склонахъ карпатскихъ горъ съ историческихъ временъ поселились сыны единой русской семьи, полюбившие свою новозаселенную землю и неустанно заботившіеся о ея благосостояніи. Дѣти единой русской семьи остались вѣрными духу и традиціямъ своей матери — Руси и даже тогда, когда приходилось проливать свою кровь за обще-русскія идеи. Много пришлось имъ страдать, много вынести горя и насилий отъ натисковъ сосѣдей враговъ, многія сотни лѣтъ давило ихъ душу и истребляло ихъ тѣло вражеское вліяніе, но духовныя силы, врожденныя русскому характеру, жизнеспособность, смѣлость, бодрость и твердая вѣра въ торжество правды преодолѣли силу враговъ и никогда въ нашемъ kraю не было измѣны русскому дѣлу, никогда русскій духъ не былъ сломленъ.

Какъ ни старались владѣвшіе краемъ подавить и вытравить изъ сердецъ нашего народа славянскій духъ, — вѣрная дочь

Руси, оторванная географически и затягившаяся въ зеленыхъ лѣсахъ Подкарпатья, живя въ рабскихъ оковахъ, не только не потеряла свою душу, но еще и смогла дать миру известныя культурныя силы, ученыхъ и государственныхъ дѣятелей, часть которыхъ вслѣдствіе невыносимаго преслѣдованія принуждена была оставить родной край и выѣхать.

Мать-Россія съ радостью принимала такихъ дѣтей своей дочери, Карпатской Руси, и по заслугамъ удѣляла имъ часто весьма отвѣтственные государственные мѣста, давая возможность широко развернуть свои способности въ работѣ на обще-русское благо. Такъ, напримѣръ, нашъ Балудянскій былъ первымъ ректоромъ славнаго Петроградскаго Университета, дальше слѣдуютъ имена Орлай, Гуца-Венелина, Кукольника, Раковскаго и др. Даже въ настоящее время въ Москвѣ остался и продолжаетъ быть директоромъ всемірно-извѣстной картинной галлереи имени Третьякова никто иной, какъ карпатороссъ Грабарь.

На мѣстѣ, дома, мы тоже видимъ славную плеяду борцовъ за права угнетаемаго народа: Добрянскій, Духновичъ, Сильвай, Ставровскій, Фенцикъ, Павловичъ и рядъ другихъ. Всѣ они, слѣдуя завѣтамъ своихъ

предковъ, трудились среди народа во имя все-русской идеи, и никто никогда не со- мнѣвался въ томъ, что край нашъ является нераздѣльной частью Россіи, хотя и былъ оторванъ отъ нея, и проливали свою кровь, переживали мученія и униженія ради того, чтобы освободить свою родину отъ рабства и уготовить своимъ наслѣдникамъ воссоединеніе съ Матерью.

Исторія отмѣтила труды нашихъ борцовъ за освобожденіе Карпатской Руси и нынѣшнее поколѣніе уже самостоятельно и освобождено. Мать-Россія, принеся на алтарь освободительной славянской войны непосильныя жертвы, истощилась и сама лежитъ нынѣ, поверженная къ ногамъ интернаціональныхъ хищниковъ, а въ результаѣ ея дочерью — Карпатской Русью — овладѣло сомнѣніе и часть нашихъ работниковъ оказалась далеко отъ идей борцовъ за русскость: появились дешевые пропагандисты, внесли въ русскую душу съмѧ невѣрія, раскололи нашъ языкъ на странные и непонятные никому дѣленія и стараются прибрать къ рукамъ едва оперившуюся нашу государственность, нуждающуюся еще въ дальнѣйшей постоянной укрѣпительной работѣ и въ использованіи на благо Руси возможностей свободы и самостоятельности.

Для молодого же поколѣнія, видящаго отклоненіе съ пути, намѣченного нашими вождями, въ угоду сегодняшнимъ времененнымъ пережиткамъ затхлыхъ вліяній, наступаетъ пора, когда приходится самимъ взвѣсить и оцѣнить то, къ чему призываютъ насть и нашъ народъ новоиспеченые спасители нашей родины, а также сравнивать силу призыва нашихъ будителей съ жалкой пропагандой нынѣшнихъ вредителей. Сравнивая это, мы должны задать естественный вопросъ: чего заслуживаютъ гиперфилософы, засорившіе разумъ народа туманной мудростью, откалывающіе нашъ край отъ исконнаго нашего русскаго корня,

посъявившіе раздоры и сумятицу въ душу карпаторосса, ввергнувшіе его въ мрачную пучину сомнѣній и подозрительности, отравившіе ему радость жизни предательскими нашептываніями и замутившіе спокойное теченіе его жизни, подсунувъ ему на мѣсто тихаго труда на славу и благостояніе края — распри и недоумѣнія.

Блаженъ тотъ, кому удастся всѣ эти бурныя теченія и разнорѣчивыя струйки языковаго, религіознаго и иного разногласія, дробящаго нашъ край, ввести въ твердое русло русской государственности, русскаго правопорядка, русскихъ традицій, и тѣмъ создать опору нашему краю и спокойно сказать: да, завѣты нашихъ вождей не пропали даромъ!

Молодыя сыновья русской дочери! Не теряйте надежды на измѣненіе обстановки къ лучшему, не падайте духомъ, а строго слѣдуйте историческимъ призывамъ вождей нашихъ и помните, что только правый путь ведетъ къ спасенію, ибо сказано, что „претерпѣвый до конца той спасенъ будетъ“. Придетъ желанное время, когда надъ нашей хатой, затерявшейся въ зелени Прикарпатья, засіяетъ заря духовнаго объединенія и тогда не будетъ терзаній за уклоненіе съ пути, а потомки не будутъ проклинать насть, живущихъ въ вѣкъ большихъ возможностей.

Пора! Пора всѣмъ стать подъ знамя нашего объединенія, держа бѣлый цвѣтокъ подъ голубымъ небомъ въ знакъ невиннаго терпѣнія. Пусь и братья наши за синимъ моремъ услышатъ нашъ призывъ и знаютъ, что наша родина, имѣвшая темное прошлое, идетъ къ возрожденію. Придемъ всѣ на помощь, будемъ бороться за родину, за ея русскость и прадѣдную вѣру, какъ проповѣдовали наши славные отцы, и будемъ держаться единой идеи и въ дружной работѣ пусть будетъ отраженіемъ нашего духа и традицій отцовъ „Молодая Русь“.

И. С. Буковскій.

Нищій.

Усталый блѣдный и худой
Идетъ онъ жизненной дорогой
Съ пустой, дырявою сумой,
Съ котомкой бѣдной и убогой.

Въ очахъ потухъ тревожный свѣтъ.
Въ неисчислимыя морщины

Его застывшій ликъ одѣтъ,
Какъ въ сѣтку тонкой паутины.

И такъ на жизненномъ пути
Бредеть, молитву повторяя,
Съ горячей вѣрою въ груди,
Творца вселенной прославляя.

А. Карабелешъ.

Рѣчъ.

Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей Родины - ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великий, могучий, правдивый и свободный русскій языкъ!

И. Тургеневъ.

Инстинктъ экономической жизни является свойствомъ не только человѣка, но и высшихъ животныхъ. Встрѣчаемся съ нимъ у разныхъ животныхъ, которыя цѣлое лѣто укладываютъ пищу, чтобы зимой имѣть нужный запасъ.

Работаютъ просто инстинктивно, подобно человѣку, работающему вполиѣ сознательно. Нѣкоторые слушаются человѣка настолько, что иногда приводятъ насъ въ удивленіе (конь, собака, левъ при играхъ въ циркахъ, на фильмахъ и т. д.). Они подчиняются инстинктивно тому, чему ихъ научилъ человѣкъ. А нѣкоторые обезьяны живутъ даже семейной жизнью, напоминающей во многомъ семейную жизнь человѣка. Человѣка отъ міра животныхъ отдѣляетъ характерная конструкція тѣла, нравственность и сложная рѣчъ.

Благодаря этимъ свойствамъ душевное развитіе человѣка достигло неизмѣримой высоты. Это еще не значитъ, что животныя не имѣютъ своей рѣчи. И они понимаютъ другъ друга, примѣняя свои особые способы обмѣна „мыслями“ (ревъ, пѣніе и т. д.). Но эти проявленія столь примитивны, что мы ихъ считаемъ совсѣмъ ничтожными. И первоначальная рѣчъ доисторического человѣка не отличалась многимъ отъ этихъ примитивныхъ средствъ объясненій. Нѣкоторые слѣды этой „рѣчи“ употребляются людьми и до сихъ поръ (крикъ при проявленіи неожиданной радости, жалостный стонъ, поцѣлуй и т. д. являются остатками этой древней техники рѣчи).

Настоящая людская рѣчъ развивалась очень долго и достигла современной культурной степени ~~только~~ вслѣдствіе благопріятного анатомического строенія человѣческаго тѣла. Главную роль играютъ здѣсь сильно развитая центральная нервная система и органы рѣчи, съ помощью которыхъ мы можемъ говорить въ слогахъ, тихо или звучно, свой голосъ можемъ менять въ любой намъ тонъ, конечно, въ

извѣстныхъ границахъ. Какъ древній человѣкъ постепенно приближался къ различнымъ стадіямъ развитія культурной рѣчи, такъ и мы всѣ должны пройти эти стадіи. Разница проявляется только въ томъ, что древніе люди проходили ихъ въ продолженіи долгихъ вѣковъ, а мы въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Каждое дитя проходитъ эти стадіи, пока не достигаетъ полной способности въ овладѣніи культурной рѣчью. Въ началѣ оно проявляетъ свои желанія и чувства плачомъ, позже обращаетъ на себя вниманіе съ одной стороны своей мимикой, а съ другой стороны различными движениями своего тѣла. Все это дѣлаетъ оно, конечно, инстинктивно. Еще позже выговариваетъ оно слова, начиная съ самыхъ простыхъ, какъ папа, мама, бубу, папу, па и т. д., слова касающіяся ему самыхъ близкихъ лицъ и желаній.

Наконецъ, выговариваетъ оно уже болѣе сложныя слова. Сначала трудно, безъ точной связи, но чѣмъ дальше, тѣмъ лучше и яснѣе оно выражается. Граница овладѣнія способностью рѣчи у дѣтей не одинакова и зависитъ отъ различныхъ факторовъ. Разнообразность языковъ, существующихъ въ цѣломъ мірѣ, возникла вслѣдствіе различныхъ природныхъ условій нашей земли. Ежедневное занятіе человѣка и окружающая его среда на различныхъ мѣстахъ выявляется специфичностью его рѣчи. На сѣверѣ въ гористыхъ краяхъ возникла рѣчъ твердая, въ грамматическомъ смыслѣ не богатая и не звучная, абсолютно практическая, безъ всякихъ эстетическихъ элементовъ.

Представителями этой рѣчи являются германскіе языки и языки населенія Скандинавскаго полуострова. Напротивъ, югъ является колыбелью рѣчи мягкой, звучной и высоко эстетической (изящной, красивой), представленной языками славянскими и романскими. Во время переселенія народовъ и съ теченіемъ времени славяне смѣшались съ народами романскими и германскими, вслѣдствіе чего строгій контуръ обособленныхъ языковъ стерся, такъ какъ они приблизились до нѣкоторой степени другъ къ другу, поддаваясь взаимному вліянію, въ ущербъ своей специфичности и чистотѣ

своей рѣчи. Такъ, напримѣръ, чешскій языкъ подпалъ подъ вліяніе языка нѣмецкаго, вслѣдствіе чего сталъ значительно болѣе твердымъ, чѣмъ быль, — а хорватскій языкъ подпалъ подъ вліяніе языка итальянскаго, оставившаго въ немъ тоже свои слѣды. Подобное явленіе наблюдается и у многихъ другихъ языковъ. Только русскій языкъ остался и до сихъ поръ чистымъ, какъ кристаллъ, потому что нѣть языка въ этомъ мірѣ, который быль бы въ состояніи по-дѣйствовать на него, такъ какъ онъ своей могущественностью могъ бы поглотить рѣчи всего міра. Выдвинулся онъ высоко надъ остальными, подобно великой пирамидѣ Хеопса надъ египетской степью. И нѣть языка въ цѣломъ мірѣ, который бы могъ своей красотой равняться нашему звучному, богатому, красивому, родному русскому языку. Наша святая обязанность любить его отъ

всего своего сердца. Всѣ мы, карпатороссы, должны стремиться къ тому, чтобы изучить свой родной русскій языкъ совершенно, со всѣми его прекрасными свойствами. Дѣлается это, конечно, съ большимъ трудомъ, но вѣрьте, дорогіе братья, что прилежной работой всего достигнете. Такъ и въ этомъ: кто случайно чувствуетъ себя въ литературномъ русскомъ языкѣ слабоватымъ, — пусть не пожалѣтъ пожертвовать частицей своего свободнаго времени для чтенія русской книги. Не ждите, чтобы васъ учили другіе. Учитесь сами. Русская литература безконечно велика. Такъ что въ ней найдете все-все, что вамъ придется на умъ. Да знаетъ каждый изъ васъ свою родную рѣчъ, чтобы враги ея не могли вамъ въ любой моментъ бросить въ глаза: вотъ русскій, не знающій своего языка!

И. Оринчай.

Существуетъ ли въ живомъ карпаторусскомъ языкѣ указательное мѣстоимѣніе „этотъ“, „эта“, „это“.

Наша интеллигенція, читая газету или книгу, написанную русскимъ литературнымъ языкомъ, сразу сталкивается съ указательнымъ мѣстоимѣніемъ „этотъ, эта, это“, которое опредѣляетъ „не нашимъ“, считая его дѣйствительно не своимъ.

На первый взглядъ и намъ можетъ показаться — гдѣ говорить нашъ простой народъ „этотъ человѣкъ“, „эта женщина“? Мы не имѣемъ какъ будто такого слова. А наши народовцы прибавляютъ: „це московщина!“.

Выяснимъ, какимъ образомъ народъ обозначаетъ это понятіе.

На Подкарпской Руси для того, чтобы обратить вниманіе на близкій предметъ, чтобы указать на него — употребляется „эге-тотъ“. На Пряшевской Руси для этой же цѣли служитъ „гев-тотъ“. Теперь, если присмотримся къ гласной „э“ (въ мѣстоимѣніи этотъ), то замѣтимъ, что она несомнѣнно двугласная. Временно мы обозначимъ ее черезъ „ae“. Двугласная „ae“ разложилась въ карпаторусскихъ нарѣчіяхъ въ двѣ гласныя „e-e“ и для легкости выговара въ подкарпаторусскихъ нарѣчіяхъ вставляется „h“ (эге); на Пряшевщинѣ же это получилось нѣсколько иначе.

Пряшевско - русскія нарѣчія любятъ округлость слоговъ. Онѣ, особенно въ началѣ слова, не терпятъ слоговъ, состоящихъ изъ одной лишь гласной, а для того, чтобы избѣжать ихъ, они расширяютъ его на гортанную согласную „h“ (не говорится „Америка“, но „Гамерика“). Далѣе, изъ-за быстроты рѣчи нѣкоторые слоги совсѣмъ выбрасываются (не говорится „гдѣ еси былъ“, но „гдѣсь былъ“). Принявъ во вниманіе вышеуказанное, мы теперь легко можемъ сообразить, почему на Пряшевской Руси не говорится „э-тотъ“ или „эге-тотъ“, а „гев-тотъ“.

Гласная „э“, какъ самостоятельный слогъ, сама по себѣ не могла стоять; она выговаривалась съ гортаннымъ звукомъ „h“ — получилось „hae-tot“; какъ прежде было указано, двугласная „ae“ разложилась въ двѣ гласныя — „hee-tot“, причемъ ударение было на второмъ „e“ (на Пряшевской Руси ударение всегда на предпослѣднемъ слогѣ); второе „e“, стоя подъ ударениемъ и представляя собою самостоятельный слогъ, какъ существуетъ изъ вышеизложеннаго, не могло удержаться и поэтому силу своего звука оставило частью на вмѣсто него поставленной согласной „v“, частью же на

первомъ „е“, которое, будучи гласной предпослѣдняго слога, сдѣлалось ударяемымъ.

Вотъ „этотъ, эта, это“ на Подкарпатской и Пряшевской Руси. Это одинъ изъ тѣхъ примѣровъ, которые доказываютъ, что нельзя писать слова такъ, какъ мы

ихъ слышимъ въ устахъ народа — во первыхъ, и, во-вторыхъ, что опрощенное мѣстнымъ выговоромъ указанное мѣстоимѣніе существуетъ въ нашемъ языкѣ не какъ прививаемое искусственно чужое слово, а какъ наше коренное русское.

Алексѣй Фариничъ.

О томъ, что и какъ пѣть. (Къ вопросу о репертуарѣ русскихъ хоровъ).

Можно безъ преувеличенія сказать, что на свѣтѣ нѣтъ народа, который имѣлъ бы такую богатую хоровую литературу, какъ народъ русскій. Объясняется это тѣмъ, что заграницей пѣніе не играло въ народной жизни такой значительной роли, какую оно играло въ Россіи, гдѣ церковь являлась центромъ, вокругъ которого съ момента принятія христіанства пѣніе стало культивироваться, распространяясь въ самые широкіе слои населенія. Извѣстно, что инструментальная музыка въ Россіи нѣкоторое время была запрещена и глубоко музыкальный по своей природѣ народъ проявлялъ свою любовь къ музыкѣ пѣніемъ. Это послѣднее, развиваясь на протяженіи вѣковъ, достигло такихъ успѣховъ, что русские хоры и солисты по справедливости заняли первое всѣми признанное мѣсто въ мірѣ. Тѣ наши хоры, которые до войны совершали концертныя турнѣ по Европѣ, являлись гордостью русского народа: въ ихъ исполненіи міръ знакомился съ лучшими, подлинно русскими пѣснопѣніями. Стоитъ вспомнить концерты хоровъ Линевой, Славянскаго и др. Эти концерты были сплошнымъ триумфомъ.

Къ сожалѣнію, наши заграничные хоры, включающіе въ свои программы не подлинно русскія пѣсни, вовсе не считаются съ тѣмъ, что по ихъ репертуару съ русскимъ хоровымъ искусствомъ знакомятся не одни лишь иностранцы, но и русскія дѣти. Дѣло въ томъ, что русская народная пѣсня, особенно старинная, отличается своей специфической (ладовой) конструкціей, имѣющей свои опредѣленные законы*). Несоблюденіе этихъ послѣднихъ при гармонизаціи — влечетъ за собой искаженіе са-

мой пѣсни. Слушая пѣсню въ исполненіи народного хора, мы испытываемъ невыразимое чувство красоты, мы буквально очарованы. Такое эмоціональное воздействиѣ народной пѣсни можно въ значительной мѣрѣ объяснить, прежде всего, ея мелодіей, но нѣтъ сомнѣній, что не послѣднюю роль въ этомъ смыслѣ играетъ именно ея своеобразная конструкція**). Будучи не нарушенной въ своихъ основахъ, пѣсня выступаетъ во всей моціи своей красоты. Но какъ только русская пѣсня попадаетъ въ руки иностранного гармонизатора, она подвергается имъ изуродованію и, слушая ее въ его гармонизаціи, мы уже не испытываемъ того наслажденія, которое обычно намъ доставляетъ родная пѣсня: чувствуется, что пѣсни коснулась чужая рука, превратившая ее, вопреки желанію, во что то новое — „русско-европейское“. Рѣдко въ репертуарѣ русскихъ хоровъ можно встрѣтить народную пѣсню, гармонизированную опытной, понимающей рукой. Большинство же гармонизовано „не по-русски“, въ духѣ, чуждомъ русской пѣснѣ.

Этотъ недостатокъ репертуара русскихъ хоровъ, къ счастью, уже обратилъ на себя вниманіе серьезныхъ критиковъ и учить на себѣ тому, чего серьезные хоры не должны имѣть въ программахъ своихъ концертовъ. Особенно это поучительно для тѣхъ хоровыхъ организацій, цѣлью которыхъ является культурно-просвѣтительная дѣятельность. Мы имѣемъ въ виду, прежде всего, наши карпаторуссіе хоры, ибо на ихъ долю выпала прекрасная, но весьма отвѣтственная и тяжелая обязанность знакомить самые широкіе слои карпаторусскаго народа съ русской пѣсней въ ея

*) Въ Россіи приступили къ изученію нар. пѣсни съ научнымъ подходомъ сравнительно недавно (композиторы А. Н. Сѣровъ, П. Сокольскій и другіе).

**) Въ чемъ именно заключается это своеобразіе русск. нар. пѣсни, — объ этомъ мы поговоримъ болѣе подробно въ одной изъ слѣдующихъ статей.

подлинномъ, неискаженномъ звучаніи. Мы могли бы указать на нѣкоторые сборники народныхъ пѣсень (также въ художественной обработкѣ), заслуживающіе особенного вниманія г. г. дирижеровъ и учителей, а именно:

1) *Архангельскій.* 25 русскихъ народн. пѣсень, собранныхъ и положенныхъ на 2 голоса для школъ и др. уч. заведеній. СПБ. 1894;

2) *Петровъ, А.* 50 русск. нар. пѣсень, переложенныхъ для 3 гол. женск. и 4-хъ голосн. смѣш. хора, для употребленія въ учебн. заведеніяхъ. Москва. 1901.

3) *О. Х. Славянская.* Русскія пѣсни и пѣсни западныхъ и южныхъ славянъ, собр. Д. А. Славянскимъ и перелож. для 1 гол. и хора. 1889.

4) *Балакиревъ, М. А.* 30 пѣсень русскаго народа. Изд. Пѣс. Ком. Р. Г. О. СПБ. 1901.

5) *Лядовъ, Ан.* 5 пѣсень, переложен. для женск., мужск. и смѣш. хора. Издание Пѣс. Ком. Р. Г. О-ва.

6) *Е. Линева.* Великорусскія пѣсни въ нар. гармонизаціи. Издание Академіи Наукъ СПБ. 1909.

7) *Листопадовъ, А. И.* Записи народн. пѣсень въ 1904 г. О-ва Л. Е. А. и Э. СХІV. (Тр. Этногр. Отд. Т. XVI, труды Муз.-Этн. Ком., т. II, ч. VII). Москва. 1911.

8) Опыты художественной обработки народныхъ пѣсень; народныя пѣсни русскія и инородческія въ записяхъ и гармонизаціи Аракчиева, Гліера, Гречанинова, Ильинскаго, Ипп.-Иванова, Кастальскаго, Котова, Маслова, Оленина, Пасхалова, Пахульскаго, Потоловскаго, Сахновскаго, Славинскаго, С. И. Танѣева и Энгеля. Т. I. (Тр. Этногр. Отд. при О-вѣ Л. Е. А. и Э. Т. XVIII, труды Муз.-Этн. Ком. Т. IV). Москва. 1913.

9) *Лобачевъ, Гр.* Русскія народн. пѣсни въ обработкѣ для смѣш. хора. (Всего 27 пѣсень). Госиздат. Москва. 1926.

10) *Др. Фенцикъ, Ст.* Сборникъ нар. пѣсень. (Ужгородъ).

Указанные сборники не должны отсутствовать ни въ одной русской хоровой организации и представляютъ собой прекрасный матеріалъ для изученія народной пѣсни и составленія хорового репертуара.

Переходя къ вопросу о составленіи программы концертовъ, мы позволимъ себѣ

дать въ этомъ направлениі нѣкоторая указанія.

Всю русскую хоровую литературу можно разбить на 6 частей: 1) церковное пѣснопѣніе, 2) свѣтскія произведенія русскихъ композиторовъ (разные свѣтскіе хоры, въ томъ числѣ и оперные), 3) народныя пѣсни, 4) псевдонародныя пѣсни, 5) студенческія и 6) солдатскія пѣсни.

Понятно, что имѣя такое множество видовъ хоровой музыки, программъ концертовъ можно придать самый разнообразный характеръ, въ зависимости отъ того, какую цѣль преслѣдуешь тотъ или другой концертъ. Обыкновенно концертная программа русскихъ хоровъ состоитъ изъ 3-хъ частей:

1. Церковные хоры,
2. Свѣтскіе хоры и
3. Народныя и псевдонародныя пѣсни.

Не имѣя возраженій противъ такого порядка программы, мы, однако, должны замѣтить, что большимъ ея упущеніемъ является то, что въ ней, обычно, не дѣляется яснаго всѣмъ подраздѣленія (въ 1-ой части) на опредѣленные теченія или влиянія въ церковной музикѣ, равно какъ и (въ 3-й части) на пѣсни народныя и псевдонародныя. Благодаря этому у непосвященнаго слушателя создается неопределенность въ пониманіи той или другой вещи и нерѣдко типичную псевдонародную пѣсню онъ принимаетъ за подлинное народное творчество. Понятно, что подобного пробѣла не должны допускать культурныя хоровые организаціи. Необходимо, чтобы каждый номеръ программы былъ сопровожденъ поясненіемъ, характеризующимъ данный хоръ и его автора. Лучше всего, конечно, чтобы самъ дирижеръ или иное свѣдущее лицо давало подобныя объясненія публикѣ. Такія лекціи могутъ имѣть громадное воспитательное значеніе и во всякомъ случаѣ всегда способствуютъ успѣху концерта, помогая слушателямъ уяснить себѣ смыслъ, особенности и значеніе той или другой пѣсни.

Помимо указанного вида программы, концертъ можно посвятить произведеніямъ исключительно духовнаго характера. Въ такомъ случаѣ очень полезно и даже необходимо сопровождать концертъ краткой лекціей объ исторіи развитія русского церковнаго пѣнія. Самую же программу можно составить въ порядкѣ возникновенія и

развитія того и другого вида духовныхъ пѣснопѣній. Лекторъ при этомъ долженъ указать на особенности разныхъ распѣвовъ (зnamенный, греческій, болгарскій, сербскій, кіевскій и др.), на характерныя черты духовныхъ произведеній русскихъ композиторовъ, принадлежащихъ къ такъ назыв. „итальянской школѣ“ (Бортнянскій, Дегтяревъ, отчасти А. Архангельскій и др.), къ „русской школѣ“ (Гречаниновъ, П. Чесноковъ, Кастальскій и др.) и къ новѣйшему направленію (Калинниковъ, Рахманиновъ и др.). При такомъ порядкѣ концерта слушателю будетъ дана возможность создать себѣ опредѣленное представление объ историческомъ развитіи русской церковной музыки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ориентироваться въ разныхъ ея видахъ.

Что касается свѣтскихъ хоровъ, то мы должны константировать, что на концертахъ обыкновенно преподносится публикѣ далеко не лучшее изъ русской хоровой литературы. Тутъ мы встрѣчаемся больше съ разными цыганскими романсами, переложенными на хоръ съ гнусными съ музыкальной точки зрѣнія пѣснями и даже съ чисто варьетными, цирковыми номерами (подражаніе инструментамъ и т. д.), и менѣе всего съ произведеніями такихъ композиторовъ, какъ Глинка, Сѣровъ, Мусоргскій, Чайковскій, Р.-Корсаковъ, Танѣевъ, Гречаниновъ, Калинниковъ и т. д. и т. д.

Каждая пѣсня — это опредѣленная картина изъ народной жизни. Слѣдовантельно, изучая народныя пѣсни, мы тѣмъ самымъ можемъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что въ народѣ есть самаго сокровеннаго, мы проникаемъ въ самую глубь народной жизни, къ ея истокамъ, къ ея корнямъ. Вотъ въ этомъ и заключается все огромное культурное и воспитательное значеніе пѣсни; она — окно въ народную душу... Изобиліе пѣсенъ позволяетъ составить изъ нихъ десятки самостоятельныхъ программъ и при томъ такъ, что каждая изъ нихъ принесетъ что нибудь новое. Къ сожалѣнію, у насъ нѣть достаточно мѣста, чтобы подробно заняться программой концертовъ, посвященныхъ народному творчеству. Поэтому въ этой статьѣ мы ограничимся самымъ существеннымъ, — тѣмъ, что, по нашему мнѣнію, является крайне необходимымъ при исполненіи народныхъ пѣсенъ. А именно: такъ какъ пѣсня является проявленіемъ опредѣленного душевнаго пере-

живанія и вмѣстѣ съ тѣмъ образомъ изъ народнаго быта, ея исполненіе на сценѣ встрѣтится съ особыеннымъ успѣхомъ, если ее сопроводить для полноты впечатлѣнія инсценировкой тѣхъ бытовыхъ сторонъ, благодаря которымъ пѣсня возникала и ширилась. Какихъ поразительныхъ успѣховъ можно этимъ достигнуть, обѣ этомъ лучше всего говорятъ концерты хора извѣстной собирательницы русскихъ народныхъ пѣсенъ Линевой, происходившіе въ 1893 г. на Всемірной выставкѣ въ Чикаго и знакомившіе слушателей при соотвѣтствующихъ инсценировкахъ съ разными явленіями изъ крестьянскаго быта.

Въ пѣсняхъ свадебныхъ, напримѣръ, мы найдемъ и пѣсни безгранично тоскливыя (прощаніе дочери съ родителями, съ подругами и т. д.), и пѣсни веселыя, слушая которыя такъ и хочется броситься въ пляску, здѣсь мы можемъ наслаждаться богатствомъ красокъ народной одежды, обстановкой свадебнаго пиршства, искусствомъ танцовъ, поэзіей обрядовъ...

А пѣсни хороводныя, распѣваемыя дѣвками и парнями? А пѣсни, связанныя съ приходомъ весны, съ сѣнокосомъ, полевыми работами, пѣсни любовныя? и т. д. и т. д. Какой это все неисчерпаемый, благодарный матеріалъ и для дирижера и для режиссера, и притомъ матеріалъ, почти совсѣмъ неиспользованный! — Напоминаемъ обѣ этомъ нашимъ хоровымъ организаціямъ. Пусть онѣ сами убѣдятся на практикѣ, сколько прекрасныхъ, подлинно художественныхъ возможностей таитъ въ себѣ концертъ народной пѣсни. И пусть онѣ при этомъ не забываютъ также и народныхъ инструментовъ, могущихъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовать художественному успѣху концертовъ, дополняю собою картины изъ народнаго быта*).

Намъ остается поговорить еще о пѣсняхъ студенческихъ и солдатскихъ. Наиболѣе цѣлесообразнымъ и, во всякомъ случаѣ, приемлемымъ какъ въ эстетическомъ, такъ и другихъ отношеніяхъ, является такое включеніе ихъ въ программу (съ соответствующими поясненіями), чтобы онѣ составляли самостоятельную (если не всю программу) ея часть. При соблюденіи такого распорядка, солдатскія пѣсни можно сопровождать игрою на гармоникѣ и даже

*) См., напр., соч. Пащенко для хора и орк.

такими во всѣхъ остальныхъ случаюхъ не-приемлемыми эффектами, какъ свистъ, гиканье и т. п. Программа изъ студенческихъ пѣсень мало удовлетворить слушателя съ высокоразвитымъ художественнымъ вку-сомъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что эти пѣсни заинтересуютъ почти каждого, хотя бы съ точки зрењія чисто бытового ихъ значенія.

Итакъ, изъ приведенного выше слѣ-дуетъ, что при составленіи программы не-обходио руководствоваться строго опре-дѣленнымъ планомъ, цѣлью котораго всег-да должно быть стремленіе исполнить въ максимально - доступной художественной формѣ лучшее изъ хоровой литературы, т. е. произведенія, въ художественныхъ достоин-ствахъ которыхъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Если же въ программу включены псевдонародныя, студенческія или солдатскія пѣсни, то необходимо ихъ особо выдѣлить, объяснивъ публикѣ цѣль ихъ исполненія.

Истинно художественный хоръ дол-женъ всегда стремиться къ тому, чтобы своей пѣсней вознести самые широкіе слои своихъ слушателей къ величавымъ верши-намъ искусства, ибо искусство — могучій рычагъ въ дѣлѣ воспитанія человѣка, въ дѣлѣ его совершенствованія и облагоражи-ванія. Искусство еще до сего времени мало доступно широкой публикѣ и является какъ бы достояніемъ привилегированныхъ кру-говъ. Вина въ этомъ, конечно, не публики, а именно тѣхъ лицъ и культурныхъ орга-низаций, которые призваны служить дѣлу воспитанія народа.

Только подлинно-художественной дѣя-тельностью можно поднять вкусъ публики, воспитать его до такой степени, чтобы искусство и, въ частности, музыка дѣй-ствительно стало всеобщимъ достояніемъ.

Что касается исполненія хоровъ во-обще, а народныхъ пѣсень въ частности, то давать какія-либо указанія въ этой об-ласти очень трудно. Несомнѣнно, однако, что художественное исполненіе не терпитъ „искусничанья“ и всевозможныхъ внѣш-нихъ эффектовъ. Умѣніе переживать пѣсню,

вкладывать въ нее душу — это самое цѣн-ное въ хоровомъ искусствѣ. И въ этомъ направленіи значительную и даже главную роль играетъ дирижеръ. Онъ долженъ вну-шать хору настроеніе, онъ долженъ за-ставить хористовъ проникнуться пѣсней и подчинить ихъ своей волѣ, воплощен-ной въ опредѣленный художественный об-разъ.

А такъ какъ народная пѣсня, въ силу характера своего возникновенія, не предъ-являетъ къ пѣвцу требованія строго при-держиваться опредѣленныхъ, разъ навсегда зафиксированныхъ границъ интерпретаціи, то каждый исполнитель вправѣ толковать пѣсню „по своему“, иными словами — „при исполненіи русской пѣсни, — какъ гово-ритъ изслѣдователь народного пѣсенного творчества, А. В. Финагинъ, — какъ бы предуказуется постоянно путь соавторства“. Не такъ, понятно, обстоитъ дѣло въ отно-шени духовныхъ и свѣтскихъ произведеній. Здѣсь на сценѣ появляется опредѣленное лицо — авторъ, предъявляющій исполни-телю свои требованія. И интерпретаторъ (пѣвецъ, дирижеръ) должны считаться съ ними и соблюдать ихъ, согласно даннымъ указаніямъ.

Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что для достиженія художественного исполненія достаточно только придерживаться пред-писанныхъ требованій автора. Этого еще слишкомъ мало. Дирижеръ долженъ про-никнуться смысломъ, настроениемъ произ-веденія, подмѣтить въ немъ то характер-ное, что составляетъ его сущность. По-этому дирижеръ никогда не ограничивается лишь тѣми указаніями, которые приведены авторомъ, — онъ охватываетъ и тѣ осо-бенности исполненія, о которыхъ компози-торъ не далъ прямыхъ указаний, предста-вивъ это на усмотрѣніе интерпретатору, его чуткости, его музыкальности. Въ об-щемъ, можно сказать, что дирижеръ — это своего рода „художественная лабораторія“, въ которой произведеніе подвергается тща-тельному анализу, разработкѣ, для того, чтобы выйти изъ нея въ полной силѣ вло-женныхъ въ него авторомъ красоты и искренности.

Дирижеръ.

УЧИТЬСЯ!..

(Изъ дневника студента).

Было прекрасное лѣто. Лѣто радости и отдыха.

Я имѣлъ аттестатъ зрѣлости. Купилъ себѣ палку, одѣлся какъ взрослый человѣкъ, и подумалъ, что я уже не тотъ мальчикъ, которымъ былъ въ гимназии. Я взрослый, т. е. могу дѣлать все то, что мнѣ, какъ гимназисту, было запрещено,ходить въ кинематографъ, на танцы, и никто мнѣ не воспретитъ зайти въ ресторанъ, присѣсть рядомъ съ бывшимъ преподавателемъ, котораго я такъ боялся, и выпить тамъ пиво или черное кофе.

Была эта радость короткой, такъ какъ хотя матура и въ рукахъ, а на тебя все же смотрятъ не такъ, какъ ты этого желалъ бы. Ты это чувствуешь. Похвалять, какъ матуранта, и сейчасъ же спрашиваютъ, что ты намѣренъ дѣлать дальше.

Одни изъ встрѣтившихся посылаютъ тебѣ на теологію, другіе пророчатъ тебѣ службу, а есть и такие, которые рекомендуютъ поступить въ университетъ. И только теперь, наслушавшись всего вдоволь, начинаю я понимать, какъ сложна жизнь и что такое трудъ. Начинаетъ болѣть голова, постепенно понимаю, зачѣмъ у меня матура въ карманѣ. Когда меня спрашиваютъ — надо отвѣтить каждому въ духѣ его пожеланій. Одному отвѣщаю, что иду на богословіе, хотя ясно сознаю, что на это у меня нѣтъ призванія и что это путь отошедшой славы и изжитой красоты. Быть же монахомъ, подобно людямъ Чернечкої горы, мнѣ просто не хочется. Поступить въ чиновники согласенъ, но не принимаютъ — куда не повернешься въ поискахъ мѣста всюду отвѣчаютъ, что переполнено. Остается выходъ: записаться въ университетъ, хотя средствъ и нѣтъ. Родственники вѣдь не дадутъ ни геллера. И откуда дать, если сами не имѣютъ ничего. Оставаться съ матурой и пріобрѣтенными знаніями ученымъ пролетарiemъ, да еще видѣть, что вмѣсто тебя сидитъ братъ во Христѣ съ образованіемъ двухъ классовъ начальной школы?

Такъ, вмѣсто желанного отдыха — беспокойство и нужда, надвигающаяся со всѣхъ сторонъ. Теперь только начинаетъ работать собственное „я“, „я“ взрослаго

человѣка, который никуда не можетъ устроиться, съ которымъ нигдѣ не считаются и на котораго смотрятъ, какъ на лишеняго конкурента.

Нужно рѣшаться. Идти туда, куда самому не хочется и куда гонитъ нужда, или туда, гдѣ хочется быть, но гдѣ ждетъ неизвѣстность. Если бы университетъ былъ еще дома, то вся забота отпадаетъ, но идти въ чужую землю, въ среду невѣдомаго общества чеховъ, да еще безъ материальной обеспеченности — страшновато.

Желаніе учиться, узнать лучшій и высшій міръ побѣждаетъ страхъ и тревоги. Надо довѣриться судьбѣ и плыть по течению; куда занесетъ житейская волна, туда и пусть пристанетъ мой утлый челнъ.

Пущусь по волѣ волнъ, но съ крѣпкой увѣренностью, что выйду побѣдителемъ. Вѣдь воля сильнѣе страха, она побѣдитъ. Да и добрые люди подадутъ руку помощи, если увидятъ твердое и неуклонное преслѣдованіе цѣли.

Рѣшено! Лѣто проходитъ въ тревогахъ и размышленіяхъ. Надо готовиться къ отѣзду въ Прагу, въ ту самую Прагу, которую всѣ обожаютъ. Правда, дѣлаютъ это тѣ, кто тамъ еще не побывалъ.

Наступаетъ и первое октября, день назначенный для отѣзда. Собравъ всѣ силы, энергию и деньги, двигаюсь въ Мукачевъ, гдѣ пролетѣло незамѣтно моихъ восемь гимназическихъ лѣтъ и гдѣ я долженъ встрѣтиться съ остальными товарищами.

Вошли въ вагонъ, нѣкоторые — въ первый разъ жизни. Друзей провожаютъ, сердце наполняется грустью, печаль разлуки съ родными мѣстами и людьми забирается куда то глубоко и съ трудомъ разсѣивается подъ мѣрный стукъ желѣзного чудовища, равнодушно пробѣгающаго родной долиной. Но чѣмъ дальше отъ своихъ границъ, тѣмъ ярче вспыхиваетъ надежда, что и наша поїздка въ неизвѣстность нужна и принесетъ пользу нашей маленькой, разграбленной, приниженней, но освобожденной родинѣ.

Поїздъ мчится, друзья веселятся. Гремитъ русская пѣсня. Прежняя тревога забывается, а если и не забывается совсѣмъ, то откладывается.

Поѣздъ летитъ, и посторонняя публика слѣдитъ за нашими проказами. Старшіе наши спутники называютъ насъ „аистами“. Дорога длинна. Надобно проѣхать чуть ли не, цѣлымъ государствомъ, но спать никому не приходитъ въ голову. Мы думаемъ о нашихъ первыхъ пражскихъ шагахъ, которые предпримемъ, чтобы начать новую жизнь.

Но вотъ и Прага — матушка чеховъ. Выходимъ, сдаемъ наши чемоданы въ багажное отдѣленіе и сейчасъ же отправляемся на охоту за квартирой, чтобы не ночевать подъ желѣзнымъ мостомъ.

Передъ нами высокіе дома, люди и люди. Прага ошеломляетъ наши сельскія головы. На каждомъ шагу встрѣчается препятствіе и страшно, чтобы не задавилъ мчащійся автомобиль.

Удивляемся. Высота домовъ толкаетъ въ бездну размышеній. Кофейныя переполнены и кажется, будто здѣсь народъ ничего не дѣлаетъ, а только шляется безцѣльно по бульварамъ, кофейнымъ и кинематографамъ. Жизнь у нихъ безцѣльная, не та — наша деревенская, трудовая... Красивыя дѣвушки вводятъ въ искушеніе. Ихъ пріятныя улыбки совсѣмъ иныя, чѣмъ улыбки нашихъ дѣвушекъ. На первый взглядъ кажется, что здѣсь не такъ трудно живется бѣдному человѣку. Здѣсь имѣются надежды на благопріятное разрѣшеніе финансовыхъ затрудненій.

Поиски квартиры до самаго вечера оказываются тщетными. Обѣдаемъ мы скромно — пьемъ молоко въ Академическомъ домѣ. Здѣсь насъ встрѣчаютъ старые члены О-ва „Возрожденія“. Первый же день нашего пребыванія въ Прагѣ ознаменовали посѣщеніемъ кино. Уже совсѣмъ ночью удается намъ найти спокойный уголокъ въ коммунистической части Праги, на Жижковѣ. Хозяева принимаютъ насъ радушно, разспрашиваютъ о нашей странѣ, о которой имѣютъ весьма смутное представленіе. Въ старой географіи о насъ вѣдь не писалось, въ новой забыли упомянуть. Разговоры тянутся до поздней ночи. Мы хотя и утомлены, но спать не идемъ. Сонъ прогоняетъ присутствіе молодой дочери хозяевъ и наше желаніе показать чехамъ наше национальное лицо. Ни Миронъ Игоревичъ, ни я не жалѣемъ словъ...

Ложимся, но прежде, чѣмъ уснуть, дѣ-

лимся нашими пражскими впечатлѣніями. Потомъ засыпаемъ и спится намъ, нужно признаться, превосходно. Снятся намъ высокіе дома, красивыя пражскія барышни и все видѣнное нами днемъ. Встаємъ передъ самымъ обѣдомъ и спѣшимъ на факультетъ, гдѣ ждутъ насъ наши провожатые, чтобы помочь намъ въ записяхъ, которыя особыхъ затрудненій не представляютъ, но все же связаны съ немалыми хлопотами. Потомъ покупаемъ себѣ трамвайные билеты, чтобы ознакомиться съ Прагой и катаемся цѣлый день. Такимъ образомъ, наша новая жизнь началась біографомъ и катаньемъ въ трамваѣ по городу. Обѣдатель идемъ въ общеизвѣстное всѣмъ студенческое гнѣздо — „Академическій домъ“. Здѣсь находится очагъ О-ва К. С. „Возрожденіе“, въ помѣщениіи котораго сходятся почти каждый день воспѣтые Духновичемъ Карпаторусскіе орлята, чтобы подкрѣпиться духомъ и подѣлиться пережитымъ и видѣннымъ. Встрѣчаемся въ конторѣ О-ва, чтобы повѣдать другъ другу свои чувства и переживанія. Отсюда идетъ начало той работы, которая дѣлается для пользы Родного Края.

Однимъ изъ самыхъ хорошихъ переживаній первыхъ пражскихъ дней было принятие въ дѣйствительные члены О-ва „Возрожденіе“, чѣмъ я нескованно гордился передъ тѣми, кто ими не состоялъ. Старшіе заканчивали работу и въ первомъ году получивали насъ, младшихъ, быть достойными преемниками.

Прожито здѣсь времени много, много и передумано, а также и сдѣлано не мало, хотя оно и утонуло въ морѣ житейскихъ заботъ. Сѣмя, брошенное на плодородную почву, постепенно вырастаетъ и даетъ свои плоды. Правда, между чистыми сѣменами попадается и сѣмя бурьяна, а вредный бурьянъ тоже даетъ свои плоды, которые хорошимъ хозяиномъ должны быть своевременно выдернуты.

Четыре года улетѣло незамѣтно. Старые члены общества уходятъ, мы заступаемъ ихъ мѣсто. Такъ постепенно подходитъ пора, когда и мы должны уступить мѣста новымъ членамъ общества, молодымъ продолжателямъ нашего общаго дѣла.

Скоро и мы покидаемъ Прагу, въ которую такъ хотѣлось и такъ трудно было попасть.

Василь.

Разное.

Во время поездки по Подкарпатской и Пряшевской Руси летомъ 1929 года Предсѣдатель Общества сообщилъ хору и оркестру, что „Возрожденіе“ будетъ выступать на торжественной встречѣ Американскихъ русскихъ, гостей изъ заокеанской республики, своихъ карпатороссовъ, которые прибываютъ въ старый свѣтъ, на Родину. Нѣсколько членовъ Общества рѣшили написать специальное привѣтствіе на ихъ прѣздѣ. Забравшись въ школу ночью, гдѣ стояло піанино и гдѣ никто не мѣшалъ, нѣсколько человѣкъ провело тамъ всю ночь и привѣтствіе было готово. А. Карабелешъ написалъ стихотвореніе, а дирижеръ хора положилъ его на музыку. Произведеніе это включало пѣніе хоромъ, мелодекламацію и сольное пѣніе. На слѣдующій день хоръ разучилъ это привѣтствіе, но, къ сожалѣнію, торжественное привѣтствіе заокеанскихъ карпатороссовъ не могло состояться. Какъ известно, официальной встречѣ не было и потому выступленіе „Возрожденія“ тоже не имѣло мѣста.

Приводимъ слова привѣтствія.

Привѣтъ вамъ, дорогие братья!
Былъ между нами океанъ,
Но вы простили намъ объятья
Изъ дальнихъ чужеземныхъ странъ.

Вы поняли страну родную,
Ея невзгоды, море бѣдъ
И помохъ братскую, родную
Вы принесли намъ въ старый свѣтъ.

Среди зеленаго Карпатья
Васъ ожидали много лѣтъ
И не забыли вы насъ, братья,
Родные братья, вамъ привѣтъ.

Въ мученьяхъ, горѣ и печалихъ
Вы стародавній край нашли,
Такъ не забудьте жъ въ вашихъ даляхъ
Надежды Родины-земли.

Пусть громъ и молнія сверкаетъ,
Пусть между нами океанъ, —
Нашъ русскій духъ не угасаетъ,
Мы племя русское славянъ!

Душой едины мы, какъ братья,
И помнимъ всѣ святой завѣтъ —
Примите же отъ горъ Карпатья
Сердечный, радостный привѣтъ!

Кое что изъ дому.

Весь культурный міръ въ послѣднее время опредѣленно выскаживается за автономизацію школы и за освобожденіе ея отъ вліянія политики. Мы, возрожденцы, полагали, что карпаторусская школа тоже будетъ придерживаться этого принципа. ради оздоровленія ея и останется настоящей школой, какъ была донынѣ.

Вмѣшиваемся мы въ школьнія дѣла по праву принадлежности къ карпатороссамъ и послѣднія события въ Мукачевской гимназіи огорчаютъ насъ. Туда проникъ одинъ изъ партійныхъ людей (ремунераторъ), который и занялся партійной работой среди учениковъ единственной неоскверненной до сихъ поръ русской школы. Намъ известны подробности, но мы ихъ не выносимъ въ печать, надѣясь что блудный сынъ раскается.

Еще горшее зло въ томъ, что этотъ господинъ своей работой навелъ страхъ и на часть преподавательского персонала, а послѣднія события показываютъ, что преподавателю поневолѣ приходится быть сторонникомъ той или иной фракціи, а не учителемъ только, и работать въ духѣ инструкцій комитета „Визволення руського народу“, что уже прямо противно природѣ нашей школы и противъ чего мы будемъ всемъ бороться. Послѣдняя конференція преподавателей служить намъ хорошимъ примѣромъ, когда дѣти одной школы уже начинаютъ дѣлиться на два лагеря.

Хочется задать вопросъ и преподавателю Бунганичу — неужели и на васъ можетъ дѣйствовать чей то приказъ? И вы, преподаватели изъ русскихъ легіонеровъ? Почему вы не убережете нашу школу отъ разлагающаго вліянія политическихъ мудрецовъ, забирающихся въ самую народную душу?

T. U. Г.

По сообщенію „Народной Политики“ въ скромъ времени появится въ свѣтъ новая ежедневная газета, писанная латинкой. Издаваться будетъ въ Ужгородѣ, а финансироваться Прагой, вѣрнѣе — предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Русская газета — латинкой? Неужели чехи такъ близоруки и полагаютъ, что карпатороссы такъ легко оставить свою кириллицу? Иѣ-за нее онъ пережилъ Мармарошскій процессъ, изъ-за нее просидѣлъ Талергофъ... Посмотрите на нашу исторію, а тогда взвѣсьте — нужна карпатороссу латинка?

* *

По сообщенію „Народной Газеты“ отъ 18 апрѣля русская газета „Лемко“, выходящая въ Клевеландѣ (штатъ Огіо С. А.) подъ редакціей г. Вислоцкаго, вождя „Союза Лемковъ“, и до сего времени печатавшаяся латинкой, съ апрѣля мѣсяца сего года переходитъ на кириллицу. „Молодая Русь“ привѣтствуетъ переходъ на русское письмо „Лемко“ и справедливо гордится такими соотечественниками...

СКИТЬ ПОЭТОВЪ

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ КНИГА РАЗСКАЗОВЪ

В. Федорова

Судъ Вареника

Рядъ прекрасныхъ рассказовъ, выдержаныхъ въ особомъ стилѣ, свойственномъ талантливому писателю, захватываетъ своей подкупающей простотой. Читатель безъ напряженія и съ интересомъ улавливаетъ сущность философіи дѣйствующихъ лицъ и легко составляетъ себѣ яркую картину быта въ новой и подчасъ трагической обстановкѣ.

Стоимость книги для ЧСР. и Балканск. странъ — 18 кр. съ пересылкой, для Америки 0,75 ам. цент. съ пересылкой, для ост. странъ Европы 17 фр. франковъ. Библіотекамъ и культ.-просв. организациямъ 20% скидки. При заказахъ благоволите ссылаться на „Молодую Русь“.

Заказы исполняются по получениі полной стоимости книги.

Адресуйте: Vladimir Kolesnikov, Radošovice u Prahy, Tchecoslovaquie.